

СЕРГЕЙ СЕРИКОВ

ЗАКЛИНАТЕЛЬ
В ПОГОНАХ 3

Сергей Сериков

Заклинатель в погонах 3

«Автор»

2026

Сериков С.

Заклинатель в погонах 3 / С. Сериков — «Автор», 2026

Подмосковье, лихие 90-е. Время малиновых пиджаков, «Мерседесов» и пустых прилавков, где очередь за колбасой соседствует с запахом крови. Старый мир рушится, уступая место жестокой борьбе за власть и влияние. В этом хаосе скромный оперуполномоченный лейтенант Виктор Мальцев из районного отдела милиции сталкивается с необъяснимым: в его тело вселяется Аш-Шарим — древний маг, переживший гибель миров, о которых человечество даже не догадывается. Союз разума и сверхъестественных знаний дает Виктору невероятное преимущество. Магия помогает ему раскрывать запутанные преступления там. Виктор влюбляется в Юлю Селиванову и решается открыть ей шокирующую правду о своем «втором я». Их ждет поездка в Судак, крымский санаторий и долгожданное море. Но даже в отпуске нет покоя: загадочное убийство требует немедленного вмешательства, заставляя оперативника снова применить магию, чтобы на этот раз спасти не только дело, но и свои чувства.

© Сериков С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Сериков

Заклинатель в погонах 3

Глава 1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДОРОГА НА ЮГ

Глава, в которой лейтенант Мальцев выезжает из Кубинска, чинит «копейку» магией посреди трассы, ужинает у Розы, ночует в «Берёзке» и видит первые горы

Август тысяча девятьсот девяностого года выдался на редкость душным, и к шести утра, когда красная «копейка» Виктора Павловича Мальцева тускло блеснула ржавым боком у подъезда пятиэтажки на улице Чехова, над Подмосковьем уже висело белёсое молочное небо, от которого некуда было деться. Воздух стоял недвижимо, как вода в банке, и в нём, как мошки в янтаре, застыли запахи тёплого асфальта, подвальной сырости, кошачьей мочи с лестничной клетки и вчерашнего ливня, который так и не смог остудить землю. Где-то далеко, за райцентром, мычала корова — единственное живое существо, кажется, не подозревало, что в стране вообще-то перестройка и гласность, что колхозы разваливаются, а наутро обещали тридцать два градуса.

Юля стояла у подъезда в лёгком ситцевом сарафане василькового цвета, босиком, с туфлями в руках, и смотрела, как Виктор возится с замком багажника, который в третий раз за неделю заклинивало. Багажник был забит так, что крышка не желала закрываться, и Виктор, чертыхаясь, перекладывал сумки, пытаясь утопить палатку глубже, чтобы освободить хоть пять сантиметров.

— Мам, мы позвоним, как доедем! — крикнула Юля, задрав голову. — Не волнуйся!

Ирина Алексеевна, стоявшая на балконе второго этажа в махровом халате и с утренним чаем в руке, только махнула рукой и отвернулась, потому что за последнее время, с тех пор как Виктор вылечил ей парализованные ноги в тот самый вечер, когда Аш-Шарим впервые в этом мире совершил то, что в его мире звалось Исцелением а в этом Чудо, она научилась не показывать слёз. Ноги работали, как новые, — может, даже лучше, потому что Ирина Алексеевна теперь ходила без палки и без той особой шаркающей походки, которая раньше делала её похожей на человека, идущего по минному полю. Но материнское сердце материальным исцелениям не поддавалось, и Ирина Алексеевна знала, что Виктор едет не просто в отпуск, что-то за этим кроется, и это «что-то» она чуяла нутром, как старая охотничья собака чувствует близость грозы.

Виктор забросил последнюю сумку. Крышка «копейки» была увязана брезентом, под которым угадывались палатка, удочки и свёрнутый плед. Внутри салона пахло старой кожей, бензином, табаком и тем особенным запахом, какой бывает только в машинах, которые возили в багажнике то рассол, то картошку, то арбуз, то ещё что-нибудь, и которые давно потеряли надежду когда-нибудь снова пахнуть новой машиной.

— Вперёд, — тихо ответил Виктор, включил первую передачу и тронулся, осторожно объезжая лужу, оставшуюся после вчерашнего полива клумбы дворником тётей Зиной, которая, как назло, вылила туда ведро с мыльной водой и теперь стояла у подъезда соседнего дома, критически оглядывая «копейку», словно прикидывая, дотянет ли она до Судака или загнётся где-нибудь под Тулой.

Юля не расслышала, потому что в этот момент поправляла зеркальце на солнцезащитном козырьке. За месяц их совместной жизни когда они стали жить вместе в его однокомнатной квартире на улице Чехова — Юля научилась различать, когда Виктор молчит, потому что думает, и когда молчит, потому что в его голове кто-то говорит. В такие моменты она не задавала вопросов, и Виктор любил её за эту деликатность так, как, наверное, не любил ничего в жизни.

Город Кубинск, вытянувшийся вдоль маленькой речки Кубинки на северо-востоке Подмосковья, ещё спал, и в этот ранний час на улицах попадались только дворники с мётлами, редкие собачники и мужики в спортивных штанах, возвращавшиеся из ларька с утренним

пивом. РОВД на улице Ленина, мимо которого они проехали, тускло светился окнами дежурной части, и Виктор машинально кивнул зданию, как кивают старому знакомому, с которым когда-то выпито было немало чаю. Город не был ни красивым, ни уродливым, он был никаким, как бывают никакими тысячи маленьких городов на территории огромной империи, которая в это лето тысяча девятьсот девяностого года разваливалась на ходу, но всё ещё делала вид, что просто перестраивается. Пятиэтажки стояли серыми коробками, у гастронома номер три уже начинала собираться очередь за колбасой, а на площади у Дома культуры старик в кепке раскладывал на раскладушке почтовые марки и старые журналы «Огонёк».

«Странное у вас ощущение пространства, — заметил Аш-Шарим, когда последние дачи остались позади и потянулись поля с подсолнухами, чёрными от жары. — У нас в Нарааме расстояние измерялось не вёрстами, а днями пути верхом. Здесь же вы почему-то считаете километры, хотя для мага километр — это просто вопрос времени и маны».

— У меня нет маны, — сказал Виктор вполголоса, глядя на дорогу. — У меня есть только фляга с ртутью, которая лежит во внутреннем кармане куртки и холодит мне грудь, и двадцать литров бензина в баке, которого хватит до Тулы.

«Двадцать три, если быть точным. Я считал».

Виктор усмехнулся и прибавил газу. Юля, услышав его бормотание, подняла голову от карты:

— Ты с кем это ты?

Виктор усмехнулся и прибавил газу. «Копейка», почувствовав свободу, бодро рванула вперёд, и Юля, услышав его бормотание, подняла голову от карты:

— Ты с кем это ты?

— С самим собой. Привычка оперов — разговаривать с собой, когда думают.

— Ага, — Юля посмотрела на него долгим взглядом, в котором сквозила та профессиональная подозрительность, какую несли в себе все следователи прокуратуры от природы, а не от образования. — И о чём же ты думаешь?

— О том, что в Туле надо будет заправиться и что после Воронежа пойдёт украинская сторона, а там могут быть вопросы с бензином.

— У нас есть канистра, — Юля кивнула в сторону багажника. — Десять литров, папина, ещё довоенная.

— Это хорошо, — кивнул Виктор и прижал педаль газа, обгоняя неспешный молоковоз, который тащился по обочине, позвякивая бидонами и распространяя вокруг себя запах кислого молока, который, впрочем, был приятнее запаха бензина. — Довоенная канистра — это вещь. Тогда железо было железо.

— А сейчас?

— А сейчас железо — туфта. И вообще раньше небо было голубее, трава зеленее и люди добрее, но это не точно.

Юля фыркнула и снова уткнулась в карту. Юлия Сергеевна Селиванова, старший лейтенант следствия прокуратуры города Кубинска, была в свои двадцать пять лет уже не девочкой, а женщиной, которая прошла через такое, от чего иные мужики седили. Похищение сына цеховика в прошлом году, перестрелка в подпольном казино её дяди, тяжелораненый свидетель, которого Виктор вытащил с того света магией, мать, годы лежавшая парализованной, и отец, который умер, когда ей было двенадцать, оставив ей в наследство только канистру, парализованную маму и дядю Михея — криминального авторитета. Юля была стройной, голубоглазой, с тяжёлыми тёмными волосами, которые она, когда работала, собирала в строгий пучок, а когда не работала — распускала по плечам, отчего Виктор каждый раз забывал, что хотел сказать. Сейчас, в сарафане, с распущенными волосами, она выглядела не как старший лейтенант прокуратуры, а как студентка, едущая на каникулы, и Виктор поймал себя на том, что улыбается, глядя на неё.

— Что? — спросила Юля, не отрываясь от карты.

— Ничего. Просто смотрю.

— На дорогу смотри. Тут, между прочим, грузовик.

Юля откинулась на спинку сиденья, закрыла глаза и через минуту уже спала, потому что волнения последней недели, связанные с оформлением отпуска, с передачей дел заместителю и с прощальным скандалом у прокурора, который не хотел её отпускать, выжали из неё все силы. Она спала, положив голову на край дверцы, и её волосы, чуть выющиеся на концах, шевелились от ветра, который тянулся в приоткрытое окно.

Дорога на юг шла через Серпухов, Тулу, Орёл, но Виктор и Юля выбрали маршрут через Тулу и Воронеж, потому что так было короче и потому что Юля, которая когда-то ездила этой дорогой с отцом, помнила по ней несколько хороших придорожных кафе. Виктор вёл машину, время от времени поглядывая в зеркало заднего вида, проверяя, не отстал ли кто-нибудь подозрительный, потому что привычка опера — проверять зеркала каждые тридцать секунд — не выключается даже в отпуске. Мимо проплывали поля с подсолнухами, чёрные пары, берёзовые перелески, редкие деревни с покосившимися домами и палисадниками, в которых буйно цвели мальвы, и иногда — церкви, то белые, новодельные, с золотыми куполами, то старые, почерневшие от времени, с заколоченными окнами и крестами, накренившимися, как пьяные на похоронах.

«На подъезде к Туле будет заправка. Я чувствую запах бензина за три версты. Это, конечно, не кровь дракона, но всё же».

— А кровь дракона, она какого цвета? — тихо спросил Виктор, чтобы не разбудить Юлю.

«Серебряного. Жидкое серебро, которое течёт в жилах гор, и из которого в моём мире делают амулеты. Дракон — это не зверь, лейтенант, как вы себе представляете. Дракон — это гора, которая проснулась и решила пойти посмотреть, что там за горизонтом. Когда такой идёт, в долинах, по которым он проходит, рождаются реки, потому что его следы заполняются водой».

— У нас это называется ртуть.

«Я знаю. Поэтому фляга, которую ты носишь у сердца, и работает. Если бы ты наполнил её кровью дракона из моего мира, тебя разорвало бы на куски. Мана моего мира, заключённая в ртути вашего, — это компромисс между двумя вселенными. И я до сих пор не знаю, кому из нас повезло больше — мне, что я нашёл ртуть, или ртути, что нашла меня».

Виктор кивнул, хотя сам жест был адресован не столько Аш-Шариму, сколько себе. Юля пошевелилась во сне, и Виктор поправил зеркальце, чтобы солнце не било ей в лицо. На подъезде к Туле, как и предсказывал Аш-Шарим, была заправка — старая, советская, с облупившейся вывеской «Бензин АИ-92» и очередью из трёх машин. Виктор встал в очередь, заглушил двигатель. Юля проснулась, потянулась, зевнула.

— Мы где?

— Под Тулой. Заправка. Давай, я заправлю, а ты сходи вон в тот ларёк, посмотри, нет ли мороженого.

— Есть, наверно. Я посмотрю.

Юля вышла из машины, поправила сарафан, и Виктор проводил её взглядом, потому что в этот ранний утренний час, когда солнце только-только поднялось над Тулой и золотило крыши заправки, она выглядела так, что у него перехватывало дыхание. Потом он повернулся к заправочной колонке и увидел то, чего не заметил сразу: мужика в кепке-аэродроме, который стоял у края заправки, держа в руках что-то большое, свёрнутое в мешковину.

— Эй, командир! — крикнул мужик, заметив взгляд Виктора. — Слушай, какой ковёр, настоящий персидский, бабка моя ткала, ей сто лет!

Виктор молча покачал головой и отвернулся. Мужик, однако, не унимался. Он был маленький, кривоногий, с чёрными усами, которые торчали из-под носа, как две антенны, и

в глазах его горел тот особенный огонёк, какой бывает у людей, которые продают что-нибудь с детства и не представляют себе, как можно не продать. Ковёр, который он держал, был, конечно, не персидский, а кубовый, фабричный, из Иванова, и стоил он в рознице рублей пятнадцать, но мужик явно надеялся содрать с дурака втрое.

— Да ты потрогай, какой ворс, командир! Для жены — самое то, она будет как царица! Тебе за бесценок отдам, тридцать рублей, нет, двадцать, ладно, пятнадцать, ну давай, ну давай, ты же на юг едешь, там таких цен не будет!

Виктор снова покачал головой. Юля, услышав разговоры через открытое окно, вышла из ларька с двумя эскимо в руках, потянувшись, зевнула.

— Что, торговцы уже проснулись?

— Проснулись, — кивнул Виктор. — И, судя по всему, будут преследовать нас до самого Судака.

— Это южный менталитет, — сказала Юля, разворачивая эскимо. — Они без этого не могут. Помню, отец рассказывал, как в семьдесят третьем году мы ездили в Одессу, и на каждой заправке к нам подбегали мужики с коврами, и отец всем говорил, что он министр, и они сразу отставали?

— Твой отец был быстрый.

— Был, — Юля кивнула, и в её голосе мелькнула та короткая тень, какая бывает у людей, когда они вспоминают умерших родителей. — Был. Ладно, давай есть мороженое, пока не растаяло.

Торговец, увидев Юлю, мгновенно переключился:

— Девушка, какой платок, шёлк, настоящий! Тётка моя в Маргилане ткала, тебе за бесценок отдам! Ты только потрогай! Тебе к лицу будет, ты же как розочка цветёшь, тебе только такого платка не хватает!

Юля вежливо, но непреклонно отказала. Торговец продолжал настаивать, перешёл к коврику, потом к чему-то ещё, что пытался вытащить из-под ящика, стоявшего у колонки, и в какой-то момент Виктор, видя, что Юля начинает нервничать, сделал шаг вперёд. Он ничего не сказал. Просто посмотрел. Аш-Шарим, почувствовав его намерение, добавил в этот взгляд ту долю магического холода, которую умел концентрировать, — словно из тени Виктора на мгновение выступило что-то древнее, с чешуёй и когтями, и тут же спряталось обратно. Торговец замолчал на полуслове, попятился, пробормотал что-то невнятное и почти бегом отступил к своему ящику.

— Что ты ему сказал? — удивлённо спросила Юля.

— Ничего, — Виктор пожал плечами. — Просто посмотрел.

«В моём мире таких торговцев сажали на кол, — задумчиво произнёс Аш-Шарим. — Впрочем, у вас, я вижу, нравы мягче. И это, наверное, хорошо. Хотя колы иногда были полезны».

— Намного мягче, — пробормотал Виктор, садясь в машину.

— Что?

— Говорю, намного мягче у нас нравы. Поехали.

Заправщик, пожилой татарин с табличкой «Контролёр» на груди, подошёл, проверил колонку, кивнул:

— Двадцать литров, командир?

— Двадцать. И ещё канистру, если можно.

— Можно. Только канистра своя или наша?

— Своя.

— Тогда пять копеек скидки. Жди.

Пока заправщик возился с колонкой, Виктор вышел, размял ноги, закурил. Тула спала в низине, и только трубы заводов курились тонкими столбиками дыма, как будто сам город

решил покурить в постель. Юля сидела в машине, листая карту, и иногда делала на ней пометки карандашом. В воздухе пахло бензином, нагретым асфальтом, и ещё чем-то неуловимым, южным, что шёл, кажется, не от земли, а от неба, и что Аш-Шарим определил как «запах приближающегося юга, который даже я, маг пятого круга, научился любить».

— Аш, ты никогда не рассказывал, как у вас пахло на юге, — мысленно спросил Виктор.

«Так же. Только вместо бензина — верблюжья шерсть, вместо асфальта — песок, вместо твоей копейки — караван, который идёт сорок дней. И вместо Юлии Сергеевны — нет, никто. Таких, как она, у нас не было».

Виктор усмехнулся, затушил сигарету, сел в машину. Юля, не поднимая головы, спросила:

— Аш что-то сказал?

— Сказал, что таких, как ты, в его мире не было.

— Хороший Аш, — Юля улыбнулась. — Передай ему, что я польщена.

«Передал уже», — подумал Аш-Шарим, и в его голосе, обычно бесстрастном, мелькнула нотка, которую Виктору удалось опознать только через несколько месяцев, когда он привык к магу, — нотка нежности.

После Тулы дорога пошла ровнее, и «копейка», не обременённая пробками, понеслась на юг со скоростью девяносто километров в час, что для неё было почти пределом. Мимо проплывали поля ржи, уже начинавшие желтеть, редкие деревни, железнодорожные полустанки, на которых, казалось, поезда не останавливались лет тридцать. Юля снова уснула, и Виктор, поймав себя на том, что улыбается без причины, тоже улыбнулся и себе. За небольшой период совместной жизни он привык к Юле, как привыкают к собственному сердцебиению, и всё же каждый раз, когда она засыпала рядом, он испытывал то странное, почти мистическое чувство, которое невозможно объяснить никому, кто не делил тело с древним магом: чувство, что в этом мире, при всех его безобразиях и убожествах, всё-таки есть ради чего жить.

После Воронежа, который они миновали около двух часов дня, не заезжая в город, начались настоящие южные степи, и пейзаж переменился. Берёзы исчезли, уступив место редким карагачам и акациям, поля ржи сменились полями подсолнечника, которые уходили к горизонту жёлто-чёрным морем, и в воздухе появился тот особенный густой, сухой, чуть горьковатый запах, какой бывает только на юге и который Виктор в Кубинске чуял только в середине августа, когда на городском рынке появлялись первые арбузы из Астрахани. Солнце пекло нещадно, и асфальт на дороге плавился, блестя зеркальными лужами, которых на самом деле не было, — миражи дрожали над шоссе, как воспоминания о море, которого ещё не было видно, но которое уже чувствовалось.

Где-то между Воронежем и Ростовом, на подъезде к придорожному кафе с фанерным щитом, на котором кривой краской было выведено «У Розы. Борщ. Шашлык. Вино», «копейка» начала капризничать. Стрелка температуры поползла вверх, и из-под капота потянуло сладковатым запахом тосола.

— Витя, — встревожилась Юля, — она закипает?

— Пока нет, но что-то не так, — Виктор нахмурился и припарковался у обочины, под редким карагачом, который отбрасывал жидкую тень. — Дай-ка я посмотрю.

Он вышел, открыл капот. Из-под него валил пар, и воздух над двигателем дрожал, как над печкой. Осмотр показал, что лопнул патрубок, и антифриз вытек на асфальт, образовав под машиной зелёную лужу, которая медленно стекала в кювет, где уже сушились чьи-то окурки и пустая бутылка из-под пива «Жигулёвское». Виктор чертыхнулся, вытер руки тряпкой, посмотрел на дорогу. До кафе было метров триста, до Ростова — сто двадцать километров, до ближайшего автосервиса — неизвестно сколько. Жара стояла такая, что асфальт плавился, и вдалеке, над шоссе, дрожали миражи.

«Резина старая, летом на жаре её разрывает. Это не последняя поломка, лейтенант. Готовься. Я бы сказал, что у нас ещё по крайней мере две такие же до Судака».

— Спасибо, обнадёжил, — буркнул Виктор.

— Что? — Юля вышла из машины и встала рядом, щурясь от солнца.

— Говорю, патрубок лопнул. Сейчас посмотрим, что можно сделать.

— Может, вызовем помощь? Тут, наверное, есть автосервис какой-нибудь.

— Откуда здесь автосервис, Юль. Степь. До Ростова ещё километров сто. Слушай, ты не могла бы... ну, по нужде, пока я тут поковыряюсь? Тут кусты есть, вон за теми карагачами.

Юля покраснела, но поняла: Виктору нужно, чтобы она отошла, и не потому, что он стесняется, а потому, что собирается делать то, чего не должен видеть никто. Она взяла из бардачка салфетки, пошла в сторону придорожных кустов, и Виктор, дождавшись, пока она скроется за карагачами, достал из внутреннего кармана куртки флягу.

«Готов?» — спросил Аш-Шарим.

— Готов.

«Тогда направо ману через амулет. Я скажу, когда».

Виктор сосредоточился, почувствовал, как фляга во внутреннем кармане куртки теплеет, как мана начинает циркулировать по телу, как резина патрубка, которую он держал в руке, нагревается, размягчается, края разрыва сближаются, и ткань резины сплетается, как рана, которую зашивает невидимый хирург. Через минуту всё было кончено. Виктор поставил патрубок на место, затянул хомут, остатки антифриза долил из канистры, и двигатель, когда он его завёл, заработал ровно, без прежних перебоев. Аш-Шарим в его голове удовлетворённо хмыкнул.

«Я, Повелитель Молний, Хранитель Ключа от Врат Нараама, чиню резиновый патрубок на трассе, пока моя женщина мочится в кустах, — произнёс Аш-Шарим, и в его голосе была та особая ирония, какую он приберегал для самых абсурдных ситуаций. — Если бы мне в моём мире сказали, что я доживу до этого, я бы, наверное, приказал казнить того, кто это сказал.»

— Не сжигай, — Виктор усмехнулся. — Рассказчик — это я. И тебе ещё пригожусь.

«Знаю. Поэтому и не сжигаю».

Юля вернулась, удивлённо посмотрела на Виктора, который стоял у закрытого капота с совершенно невинным видом.

— Уже починил?

— Ну да. Подмотал изолентой, держит. Старый механик учил, ещё в армии.

— Какой ещё механик? — Юля прищурилась. — Ты же мне рассказывал, что в армии был водителем БТР, а не механиком.

— Ну, в части был один дед, Серёга Храпов, он меня многому научил. Давай, садись, поехали, а то жара.

Юля посмотрела на него долгим взглядом, в котором читалось: «Я тебе не верю, но спорить не буду», — и села в машину. Виктор завёл двигатель, и «копейка», покрутившись на месте, выехала на трассу.

— Витя, ты ведь что-то от меня скрываешь.

Виктор помолчал. Потом ответил:

— Юль, я опер. Я вообще по профессии скрываю. Это у нас профессиональное.

— Это не то, — Юля покачала головой. — Я понимаю, когда ты скрываешь профессионально. Здесь что-то другое. Ты как будто... не один. Этот твой Аш.

Виктор чуть не вильнул. Потом взял себя в руки.

— Юль...

— Ладно, — она отвернулась к окну. — Не хочешь — не говори. Я подожду.

Аш-Шарим в голове Виктора тихо произнёс:

«Она умная, лейтенант. Она дожждётся. И однажды тебе придётся рассказать. Лучше, если ты сделаешь это сам, чем если она узнает случайно».

— Знаю, — пробормотал Виктор. — Знаю.

После поломки они доехали до кафе «У Розы» без приключений. Кафе оказалось приземистым кирпичным зданием с вывеской на крыше, в которой не хватало буквы и которая поэтому читалась как «У Ро ы». Перед кафе стояли три грузовика и «Волга» с московскими номерами, из которой, когда Виктор и Юля подъехали, вышел полный мужчина в светлых брюках и рубашке с короткими рукавами, который, увидев Юлю, окинул её оценивающим взглядом и тут же потерял к ней интерес, заметив Виктора, который по привычке оперов встал так, чтобы между ним и Юлей никого не было. Внутри кафе было прохладно и пахло жареным луком, борщом, дымом от мангала и тем особенным запахом, какой бывает в придорожных заведениях юга, — смесью дешёвых духов, пота, чеснока и кислого вина.

— Ой, какие люди! — из кухни вынырнула дородная южанка лет пятидесяти, с чёрными глазами и широким ртом, который, казалось, был создан для того, чтобы одновременно кормить и ругать. — Здравствуйте, дорогие! Откуда приехали?

— Из Подмосковья, — ответил Виктор. — Едем в Судак.

— Ой, в Судак, какой хороший! — Роза закивала, и её щёки заходили волнами, как тесто на опаре. — У меня там сестра живёт, Замфирочка, муж её, Ашот, на рынке торгует, всё расскажет. Вам борщ? Шашлык? Вино домашнее? У меня вино — пальчики оближешь, муж делает, из своего виноградника, сорок кустов, между Ростовом и Батайском, сажал ещё отец его, царствие ему небесное.

— Борщ, шашлык, вино, — кивнул Виктор. — И, если можно, воды простой.

— Сейчас, дорогой, всё будет!

Роза упорхнула на кухню, и через минуту на столе появились глубокие тарелки с борщом, в котором плавали куски мяса, густая сметана лежала на поверхности белым облаком, а сверху, как золотая крошка, был посыпан укроп, и пахло так, что у Виктора, который не ел с пяти утра, заурчало в животе. Шашлык, который Роза принесла чуть позже, был на толстых железных шампурах, с луком, лавашем и соусом из помидоров и кинзы, и мясо, когда Виктор откусил первый кусок, оказалось таким нежным, что он чуть не закрыл глаза от удовольствия. Вино было налито в гранёные стаканы, тёмно-рубиновое, тёплое, с лёгкой кислинкой.

— За отпуск, — сказала Юля, подняв стакан.

— За отпуск, — повторил Виктор.

Вино оказалось тёплым, сладковатым, с лёгкой кислинкой, и пахло оно солнцем и горным чабрецом, хотя до гор было ещё далековато. Аш-Шарим в голове Виктора помолчал, потом произнёс:

«В моём мире были вина, которые пили из чаш чистого золота, и которые наливали в бокалы из хрусталя горных пиков. Но это, признаю, тоже неплохо. В этом вине есть что-то от земли, от солнца, от рук того, кто его делал. Это, лейтенант, называется *terrois*», хотя я не уверен, что в ваш язык можно перевести это слово».

— Спасибо, — мысленно поблагодарил Виктор. — Ты у нас гурман.

«Я — маг. Гурманство — это побочный эффект долголетия. Когда ты проживёшь тысячу лет, ты тоже начнёшь различать оттенки вкуса, которые сейчас от тебя скрыты. Хотя, впрочем, ты и так неплохо разбираешься. Для лейтенанта».

Виктор усмехнулся, но промолчал, потому что Юля смотрела на него.

— Аш опять что-то сказал?

— Сказал, что вино неплохое.

— Передай ему, что я согласна.

Роза, проходя мимо, остановилась, посмотрела на них, всплеснула руками:

— Ой, какие молодые, какие красивые! Давно женаты?

— Мы не женаты, — Юля улыбнулась.

— А-а-а, — Роза закивала с таким видом, как будто это всё объясняло. — Ну, ничего, ничего. У меня вот тоже с первым не сразу получилось, а потом тридцать лет прожили, троих детей нарожали. Муж, царствие ему небесное, год назад помер, но я не плачу, я работаю. Работа, дорогие, она лечит. Лучше всяких лекарств.

— Вы правы, — кивнул Виктор.

— Конечно, права! — Роза снова упорхнула к другому столику, и Юля, проводив её взглядом, тихо сказала:

— Витя, она хорошая.

— Хорошая, — согласился Виктор. — И борщ у неё хороший.

— И вино.

— И вино.

После обеда, насытившись и слегка захмелев, Виктор и Юля вышли из кафе и обнаружили, что за время их обеда к «копейке» подкатили ещё два торговца — один с ковром, второй с чем-то, завернутым в мешковину, что, по его словам, было «настоящим дагестанским кинжалом, бабушкин, ещё шамильские времена». Виктор отмахнулся, но торговцы, по всей видимости, сговорились, и начали наступать с двух сторон. Тот, что с ковром, оказался родственником того, с кем Виктор сталкивался на заправке, и, судя по акценту, тоже был из Маргилана. Тот, что с кинжалом, был кривоногий, уса́тый, в папахе, и говорил так быстро, что Виктор не успевал вставить ни слова.

— Девушка, девушка, какой платок, шёлк, настоящий, тётка моя в Маргилане ткала, тебе за бесценок отдам, ты только потрогай!

— Командир, какой кинжал, настоящий, булат, бабушкин, шамильские времена, ты только посмотри, какой узор!

— Ковёр, командир, ковёр, для жены, для матери, для тётки, всем подойдёт!

Виктор, который уже начал терять терпение, посмотрел на них тем самым взглядом, который в Кубинске называли «мальцевским» и от которого даже блатные в РОВД начинали нервничать. Аш-Шарим, почувствовав настроение, добавил к этому взгляду ещё немного холода — совсем чуть-чуть, чтобы не напугать насмерть, но достаточно, чтобы оба торговца попятились и замолчали.

— Дорогие, — сказал Виктор тихо и вежливо. — Мы едем в отпуск. У нас нет ни жены, ни матери, ни тётки, которой нужен ковёр. У нас нет коллекции кинжалов. Мы не покупаем платки. Спасибо за внимание. Всего доброго.

Торговцы переглянулись, пробормотали что-то невнятное и почти бегом отступили к своим мотоциклам, на которых приехали. Юля, наблюдавшая за этим из машины, тихо рассмеелась:

— Витя, у тебя талант. Тебе надо было в ОБХСС идти, торговцев ловить.

— Я и ловлю, — усмехнулся Виктор. — Только по-своему.

Они сели в машину и поехали дальше. После Ростова-на-Дону, который они миновали около семи вечера, не заезжая в город, потому что Юля когда-то в нём заблудилась и с тех пор его не любила, дорога пошла на юг, к Батайску, и пейзаж снова переменялся. Степь стала ровнее, суше, и в ней появились те самые южные деревья, которых Виктор раньше видел только на картинках, — карагачи, белые акации, дикий виноград, который обвивал придорожные столбы. Солнце, которое уже клонилось к закату, красило степь в красно-золотые тона, и в этом золоте всё выглядело так, как будто кто-то наложил на землю старый фильтр из фотоателье.

Ночевать остановились в придорожной гостинице «Берёзка», одноэтажном здании с облупившейся вывеской на въезде в Батайск. Номер «полулюкс» — две кровати, разделённые тумбочкой, шкаф, который нельзя было открыть, потому что у него не было ручки, и раковина, из которой текла ржавая вода. Соседом по веранде оказался дальнобойщик дядя Коля,

огромный мужик в майке-алкоголичке, который гнал фуру из Ростова в Краснодар и который, узнав, что Виктор и Юля едут в Судак, тут же принялся рассказывать им про все придорожные кафе между Батайском и Новороссийском, про все посты ГАИ, про все ямы на трассе и про одну «тёлку в Лабинской, которая делает такой шашлык, что у меня, мужика взрослого, слёзы текут, когда я его ем».

— Ты, командир, на перевале поосторожнее, — наставлял дядя Коля, затягиваясь беломориной. — У меня там в прошлом году фуру чуть в обрыв не унесло. Тормоза скрипели, я аж сиденье грыз. А девушка твоя, она за рулём не ездит?

— Нет, — ответил Виктор. — Я вожу.

— Ну и ладно. Ты, главное, на спусках на передачу переходи, а не на тормозах. А то стогрит тормозуха — хана. И заправляйся на каждой заправке, потому что между Новороссийском и Феодосией заправок почти нет. И ещё, командир, — дядя Коля понизил голос и оглянулся. — Там, на перевале, иногда бывает туман. Не ездь в тумане. Лучше заночуй.

— Понял, — кивнул Виктор. — Спасибо, дядя Коля.

— Не за что, — дальнбойщик сплюнул в куст. — Дай бог вам доехать. Я вот двадцать лет езжу, и всё равно каждый раз думаю — а вдруг не доеду.

Виктор вышел на веранду, закурил. Было уже темно, и над степью, которая тянулась до горизонта, раскинулось небо — такое огромное, какого в Кубинске никогда не увидишь, потому что в Кубинске небо всегда закрыто крышами пятиэтажек и проводами. Здесь же, в степи, небо было — всё, и в нём горели такие звезды, что казалось, будто их насыпали в неё полным-полным мешком, и они просыпались через край. Где-то вдалеке, в Батайске, лаяли собаки, мычала корова, и из какого-то двора доносился голос Аллы Пугачёвой, которая пела «Маэстро» из радиоприёмника.

«За тысячелетия, — произнёс Аш-Шарим, и его голос звучал непривычно тихо, — я видел тысячи таких ночей. Каждая была как капля воды в океане: неотличима от других и всё-таки единственная. Я давно перестал считать. Но эту, лейтенант, эту я запомню».

— Почему? — мысленно спросил Виктор.

«Не знаю. Может быть, потому что я поражён тобой, лейтенант. Поражён твоей способностью быть живым. Ты живёшь так, как будто каждый день — последний, и при этом ты живёшь так, как будто впереди у тебя вечность. Это противоречие, которое я, маг пятого круга, не могу разрешить. И, может быть, именно поэтому я не могу уйти».

Виктор докурил, бросил окуроч в банку из-под пива, стоявшую у перил, и подумал, что это, наверное, самый странный комплимент, который он когда-либо получал.

— Аш, — сказал он мысленно. — Ты ведь тоже можешь быть счастливым. Просто попробуй.

«Я маг пятого круга, лейтенант. Счастье — это не для магов пятого круга. Счастье — это для магов первого круга, которые ещё не знают, что и они однажды станут пятыми. А маги пятого круга довольствуются тем, что у них есть. У меня есть ты. И есть Юлия Сергеевна. И есть фляга с ртутью. И есть эта ночь. Этого, пожалуй, достаточно».

В этот момент из душа вышла Юля, в махровом халате, с мокрыми волосами, и Виктор забыл про Аш-Шарима, потому что перед ним стояла женщина, которая была красивее всех женщин его мира и всех женщин мира Аш-Шарима, и которая смотрела на него так, как могут смотреть только женщины, которые любят.

— Идём спать, — сказала она. — Завтра рано выезжать.

— Идём, — кивнул Виктор, затушил сигарету и вошёл в номер.

Ночью, когда Юля уже спала, положив голову ему на плечо, а сосед-дальнбойщик захрапел с утроенной силой, Виктор лежал без сна и смотрел в потолок, на котором, в свете уличного фонаря, дрожали тени от проезжающих машин. Дорога до Судака предстояла ещё неблизкая,

и он думал о том, что ждёт их там, в этом южном городе, о котором он знал только понаслышке и который, как ему казалось, таил в себе что-то такое, чего он пока не мог разгадать.

«Лейтенант. Спи. Завтра будет перевал. А перевал — это серьёзно».

— Знаю, — мысленно ответил Виктор. — Спокойной ночи, Аш.

«Спокойной ночи, лейтенант. Если можно так сказать о ночи, в которой маг пятого круга делит тело с лейтенантом, который едет в отпуск на ржавой копейке" с женщиной, которую любит. Это, знаешь ли, не совсем обычная ситуация».

Виктор усмехнулся и закрыл глаза. Сон пришёл не сразу, но, когда пришёл, он был лёгким и светлым, как степной ветер.

Утро выдалось ясным и нежарким, какое в этих краях бывает только в ранние часы, до того, как солнце поднимется высоко и начнёт печь так, что асфальт плавится. Виктор и Юля позавтракали в «Берёзке» яичницей с ветчиной, допили остатки вчерашнего кофе, расплатились с хозяйкой, которая дала им в дорогу пакет с пирожками, и в семь утра выехали. Дядя Коля, который уже сидел за рулём своей фуры, помахал им рукой из окна.

— Счастливо, командир!

— Счастливо, дядя Коля!

Дорога шла через Батайск, Краснодар, дальше на юг, к Новороссийску. Жара усиливалась с каждым часом, и к десяти утра в салоне «копейки» стояла такая духота, что Юля, которая обычно не любила открывать окна, сама опустила своё. Мимо проплывали кубанские станицы — большие, с белыми хатами, садами, в которых зрели яблоки и абрикосы, с церковью в центре и памятником Ленину на площади, с рынком, на котором уже с утра кипела торговля. Люди здесь были другие — темнее, быстрее, громче, и говорили с тем особенным южным акцентом, который Виктор в Кубинске слышал только от приезжих.

«Серпантины, — сказал Аш-Шарим, когда впереди показались первые горы. — Я помню серпантины в горах Шаарима. Там, бывало, караван шёл два дня, чтобы обогнуть один пик, а потом спускался в долину, где росли такие цветы, что лошади отказывались идти, потому что хотели их есть. Здесь, конечно, не так красиво. Но, пожалуй, тоже неплохо».

— Спасибо, обнадёжил, — буркнул Виктор.

— Что? — Юля повернулась.

— Говорю, красиво.

— Ещё красивее будет, — пообещала Юля. — Когда начнётся серпантин. Я в детстве с отцом ездила, помню, меня тошнило весь день.

Серпантин начался через полчаса. Дорога вилась по склону горы, делая поворот за поворотом, и с каждым поворотом открывался новый вид — то на море, синее и далёкое, то на ущелье, заросшее буком и грабом, то на какую-нибудь деревню, лепившуюся к склону, как ласточкино гнездо. «Копейка» натужно выла на подъёмах, тормоза скрипели на спусках, и Виктор, который вёл машину уже шесть часов подряд, чувствовал, как спина начинает неметь. Юля, которая в начале серпантина побледнела и вцепилась в дверную ручку, к середине привыкла и теперь, наоборот, с интересом разглядывала пропасти, которые открывались внизу.

— Витя, — сказала она, и голос у неё был такой, какой бывает у людей, которые очень хотят, но не могут попросить остановиться. — Ты не мог бы...

— Сейчас, Юль. Ещё пара поворотов, и будет площадка.

— Ты уверен?

— Уверен, Юль. Держись.

На вершине перевала была площадка для отдыха, и Виктор остановил машину, заглушил двигатель, открыл дверцу. Воздух здесь был другим — прохладным, разреженным, с запахом можжевельника и какого-то горного цветка, которого Виктор не знал. Они вышли, подошли к парапету, и перед ними, внизу, открылось то, ради чего стоило ехать тысячу километров: Чёрное море, синее, бескрайнее, сливающееся с небом на горизонте, и по его поверхности, как

белые точки, шли какие-то корабли, — может быть, рыболовецкие, может быть, военные, кто их знает.

— Витя... — сказала Юля, и не закончила, потому что не было слов.

Виктор подошёл, обнял её за плечи. Они стояли так несколько минут, молча, и Аш-Шарим в голове Виктора молчал тоже, потому что в такие мгновения даже маги пятого круга понимают, что слова излишни.

«Может быть, — подумал Аш-Шарим, и мысль его была не адресована никому, — может быть, и не нужно возвращаться. Может быть, всё, что нужно, уже здесь».

Но он не сказал этого вслух, потому что даже маги пятого круга имеют право на мысли, которые они не произносят.

После перевала дорога пошла вниз, к Феодосии. Спуск был не такой страшный, как подъём, но Виктор всё равно вёл осторожно, на второй передаче, чтобы не жечь тормоза. Юля, которая уже оправилась, снова смотрела в окно, и иногда делала какие-то пометки в карте. Они въехали в город около четырёх часов дня, и Феодосия встретила их жарой, запахом моря, пылью и кактусами, которые росли прямо на улицах, — большими, колючими, такими, каких Виктор в жизни не видел.

— Витя, смотри, кактусы! — Юля потянула его за рукав. — Настоящие кактусы!

— Настоящие, — кивнул Виктор. — А ты думала, я тебя обманывал?

— Я думала, ты преувеличиваешь.

— Я никогда не преувеличиваю, — Виктор усмехнулся. — Я опер. Я говорю факты.

Они остановились у галереи Айвазовского, купили билеты, прошли. В залах было прохладно и тихо, и на стенах висели те самые картины, которые Виктор знал с детства по репродукциям в учебниках, — «Девятый вал», «Чёрное море», «Радуга». Юля стояла перед «Девятым валом» минут десять, не шевелясь, и Виктор, наблюдавший за ней, подумал, что в этот момент она похожа на девочку, которую впервые привели в музей.

— Витя, — сказала она наконец. — Я не знала, что так бывает.

— Так бывает, — кивнул Виктор. — Аш-Шарим говорит, что в его мире были художники, которые рисовали шторм так, что волны, казалось, двигались. Но Айвазовский, по его мнению, лучше.

«Я этого не говорил, — обиженно сказал Аш-Шарим. — Я сказал, что Айвазовский неплох для земного художника. Это разные вещи».

— Хорошо, — мысленно согласился Виктор. — Неплох.

После галереи они пошли на набережную. У автомата с газированной водой, старого советского, со стеклянным стаканом в металлическом держателе, Виктор бросил монетку в три копейки, и стакан наполнился шипящей газировкой с малиновым сиропом, тягучим и приторно-сладким. Юля взяла другой стакан, без сиропа, за одну копейку. Они чокнулись.

— За Феодосию!

— За Феодосию!

Потом подошли к винному автомату, бросили по пятнадцать копеек. Стаканчики наполнились тёмно-рубиновым вином, тёплым, кисловатым, пахнущим солнцем и горным чабрецом.

— Аш-Шарим говорит, что в его мире были вина, которые пили из чаш чистого золота, и они были лучше.

— А мне и это нравится, — засмеялась Юля.

«Конечно, ей нравится, — проворчал Аш-Шарим. — Она не пробовала вина из погребов императора Шаарима.»

После Феодосии оставался последний рывок до Судака. Дорога шла вдоль побережья, мимо Нового Света, мимо мыса Меганом, который представлял собой огромный каменный выступ, уходящий в море, голый и безжизненный, похожий на спину древнего ящера, окаменевшего миллионы лет назад. Солнце уже клонилось к закату, и его свет золотил скалы, и

в этом золоте всё выглядело так, как будто кто-то наложил на пейзаж старую киноплёнку, с царапинами и зерном.

В Судак въехали к вечеру, когда солнце уже клонилось к Генуэзской крепости, и крепость, освещённая закатным светом, стояла над городом, как корона над головой старого короля. Узкие улочки, по которым они проехали к санаторию, были ещё в тени, и в этих тенях, как всегда бывает на юге, прятались прохлада и запахи — запах нагретого камня, можжевельника, моря и ещё чего-то, чего Виктор не мог определить, но что Аш-Шарим определил как «запах древнего города, который помнит больше, чем помнят его жители».

Санаторий «Горизонт» стоял на возвышенности, у самого обрыва, и был четырёхэтажным зданием сталинской постройки, выкрашенным в бледно-жёлтый цвет, с колоннами при входе и широкой мраморной лестницей, которая вела в холл. Перед зданием был разбит парк — старый, тенистый, с аллеями из крымских сосен и можжевельника, с каким-то фонтаном, в котором, судя по зелёной воде, давно никто не убирал. На площадке перед входом стояли несколько машин — две «Волги», «Жигули» и чья-то «Нива».

В холле их встретила заведующая — Нина Павловна Гранкина, подполковник милиции в отставке, строгая женщина лет пятидесяти двух, с седыми волосами, убранными в тугой пучок, и с таким лицом, какое бывает у людей, которые долго служили и привыкли не улыбаться без причины. Она была в строгом тёмно-синем платье с белым воротником, и на её груди висел орден «Знак Почёта».

— Мальцев и Селиванова? — спросила она, не поднимая глаз от журнала регистрации. — Из Кубинска?

— Так точно, — кивнул Виктор.

— Номер триста двенадцать, третий этаж, с балконом. Двенадцать дней, полный пансион. Завтрак с восьми, обед с двух, ужин с семи. Зарядка в семь тридцать, на площадке у фонтана. Необязательно, но желательно. Бассейн — по расписанию, узнаете у медсестры. пляж — внизу, пять минут пешком. Машина — на боковой стоянке, не у парадного. Вопросы?

— Нет, — Виктор покачал головой.

— Приятного отдыха, — сказала она сухо, и в её голосе не было ни лишнего тепла, ни лишней холодности, а была то особенная профессиональная вежливость, какую Виктор знал по работе.

— Спасибо, — кивнул Виктор.

Они поднялись на третий этаж. Номер оказался просторным: две кровати, разделённые тумбочкой с лампой, на стене — ковёр с изображением горного пейзажа, в углу — старый радиоприёмник «Маяк», у окна — стол и два стула, на балконе — два плетёных кресла и маленький столик. Из окна открывался вид на море, а справа, на горе, возвышалась Генуэзская крепость, и в закатном свете она казалась нереальной, как декорация к историческому фильму.

— Идём на балкон? — предложила Юля.

— Идём.

Они вышли на балкон. Перед ними, внизу, лежала бухта с подсвеченным закатом морем, а справа, на горе, возвышалась крепость, и от неё, по склону, спускались кривые улочки старого города. Где-то внизу, на набережной, играла музыка — старый магнитофон, из которого неслись песни Земляне «Трава у дома», и Юля, услышав, тихо запела вместе.

«Вот мы и на месте, лейтенант, — подумал Аш-Шарим, и мысль его была тихой, как шелест можжевельника. — Посмотри на это море. Посмотри на эту крепость. Посмотри на эту женщину, которая поёт. Скажи мне, лейтенант, есть ли во всём этом хоть что-нибудь, что не стоило бы увидеть?»

— У меня тоже, — мысленно ответил Виктор. — Но давай хотя бы один вечер без мёртвых тел.

«Договорились, — усмехнулся маг. — Один вечер. Завтра начнём работать».

Закат догорел. Море стало тёмным, и в его черноте загорелись огни судакских маяков, и где-то далеко, на горизонте, мигал огонёк какого-то корабля, который шёл, может быть, в Турцию, а может быть, в Новороссийск. Юля стояла у парапета балкона, и её волосы, развеваемые вечерним бризом, казались в свете заходящего солнца золотыми.

— Идём? — спросила Юля.

— Идём, — кивнул Виктор, и они пошли вниз, по широкой мраморной лестнице, в столовую, где их уже ждал накрытый стол.

Глава 2

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. САНАТОРИЙ И ПОБЕРЕЖЬЕ

Глава, в которой Виктор и Юля осваиваются в санатории «Горизонт», знакомятся с администрацией и москвичами, едут на рынок, дерутся в приморском ресторане с кавказцами, посещают Новый Свет и Генуэзскую крепость, и в которой Аш-Шарим впервые позволяет себе усомниться, нужен ли ему его мир

Утро воскресенья восьмого августа началось с того, что в дверь их номера на третьем этаже постучали. Стук был короткий, аккуратный, какой бывает у людей, которые привыкли стучать так, чтобы и услышали, и не разбудили лишнего. Виктор, который спал чутко, как всегда спят оперы, открыл глаза мгновенно, и Аш-Шарим в его голове уже был начеку.

— Да? — Виктор сел на кровати.

— Доброе утро, — сказала она тихо, с лёгким акцентом. — Я Марьям, горничная. Принесла свежие полотенца. Завтрак через двадцать минут.

Виктор подошёл, открыл дверь. На пороге стояла молодая татарка лет двадцати двух, с косой до пояса — чёрной, блестящей, толстой, как канат, — и с той застенчивой улыбкой, какая бывает у южных девушек, когда они смущаются. Она держала в руках стопку белых махровых полотенец, от которых пахло, как от свежевystиранного белья в деревне у бабушки, — лавандой и солнцем.

— Спасибо, — Виктор принял полотенца. — А Нина Павловна у себя?

— Да, в кабинете на первом этаже. Но она просила передать, что зайдёт сама после завтрака.

— Понял. Спасибо.

Марьям кивнула и бесшумно удалилась по коридору, и Виктор закрыл дверь, подумав, что работает она так, как будто всю жизнь училась быть не слышной — ни одна половица под ней не скрипнула, ни одна дверь не стукнула, и только лёгкий запах её духов, что-то цветочное, неопределимое, ещё минуту держался в воздухе.

«Хорошая служанка, — заметил Аш-Шарим. — В моём мире таких ценили на вес золота. Буквально — их взвешивали на весах, и, если служанка весила меньше золота, её покупали. Это, конечно, варварство, но принцип был верный».

— Аш, они не слуги, они персонал санатория. Это разные вещи, — мысленно возразил Виктор.

«Для мага пятого круга — одинаковые. Результат один: чистота и порядок. Хотя, признаю, в вашем мире слугам платят, а в моём — кормили. Это, наверное, лучше. Хотя и не так почётно».

Виктор умылся, побрился электрической бритвой, которую купил прошлой зимой, надел лёгкую светлую рубашку с короткими рукавами, светлые брюки, сандалии. Юля, которая уже оделась — в лёгкое платье василькового цвета, которое ей очень шло, — поправляла волосы перед зеркалом.

— Идём?

— Идём.

Столовая санатория «Горизонт» была обставлена с той тяжеловесной парадностью, какая отличала сталинские интерьеры и от которой к тысяче девятьсот девяностому году осталась только видимость, а суть давно испарилась. Высокие потолки с лепниной, на которой кое-где уже появились трещины, четыре колонны, отделявшие центральный зал от боковых ниш, окна в пол, выходившие на бухту, и белые скатерти на столах — единственное, что ещё сохраняло прежний лоск. На стенах висели чёрно-белые фотографии — виды Судака пятидесятих годов, какие-то начальники в форме, группа отдыхающих с полотенцами через плечо. Пахло кофе,

свежим хлебом, яичницей и ещё чем-то неуловимым, что бывает только в столовых ведомственных санаториев, — смесью казённой чистоты и затаённой грусти.

Завтрак был обильный и простой: яичница с ветчиной, каша овсяная на молоке, творог со сметаной, сыр, масло, белый хлеб, кофе из агрегата, который шумел в углу, как маленький трактор. Официантки — три женщины в чёрных платьях с белыми передниками, с быстрыми руками и быстрой походкой — носились между столиками, разнося подносы.

К их столику подошёл метрдотель — грузный лысый армянин лет шестидесяти с роскошными седыми усами, в чёрном костюме с белой рубашкой, при бабочке, которая сидела на его шее, как бабочка на слоне. Усы его, кудрявые, крашенные — Виктор потом узнал, что он красит их хной раз в неделю, — придавали его лицу тот особенный южный лоск, какой бывает у людей, которые родились и выросли в местах, где усы — это не растительность на лице, а социальный институт.

— Доброе утро, дорогие, — сказал он низким бархатным голосом, и в этом голосе была та особая южная теплота, какая бывает только у людей, которые долго жили на юге и которые, попав на север, начинают мерзнуть не от холода, а от## теплоты в голосах окружающих. — Доброе утро, доброе утро. Я дядя Гриша, метрдотель. Завтрак вам понравился? Если что-то нужно — говорите, не стесняйтесь.

— Спасибо, дядя Гриша, — Виктор поднялся и пожал ему руку. — Виктор Мальцев, лейтенант. А это Юлия Селиванова, старший следователь прокуратуры. Из Кубинска.

— О, оперы! — дядя Гриша расплылся в улыбке, и золотая коронка на верхней челюсти сверкнула в утреннем свете. — Опера, моя любимая публика. Я, знаете ли, сам когда-то служил. Не тут, не в милиции — в Ереване. Давно. Ещё при Берии. Ну, это, конечно, давно было, я молодой был, глупый. Но оперов всегда любил. Опера — это, знаете, как хорошая хаш? Наваристо, густо, и с утра бодрит.

— Ну, не везде, — Виктор улыбнулся. — И не все.

— Это правда, — дядя Гриша кивнул. — Вот ты, я вижу, настоящий опер. По глазам вижу. И барышня твоя — тоже следователь? О, это хорошо. Опера и следователь — это, знаете, как баранина и зира. По отдельности — хорошо, вместе — отлично.

— Да, — Юля кивнула. — Старший следователь.

— Молодцы, — дядя Гриша погрозил ей пальцем. — Ты, девушка, за этим лейтенантом следи. Опера — народ незаменимый, но без присмотра пропадают. Я своего шурина, царство ему небесное, в семьдесят третьем году от водки спасал, не спас. А он был майор, начальник убойного отдела.

Юля засмеялась. Виктор тоже усмехнулся. Дядя Гриша, довольный произведённым впечатлением, удалился к другим столикам, и они услышали, как он там, у окна, тем же бархатным голосом говорил: «Доброе утро, дорогие, я дядя Гриша, метрдотель...» — и не могли сдержать улыбки.

В этот момент дверь столовой открылась, и вошла группа из четырёх человек, которые, судя по их осанке, манере держаться и особому выражению лиц, какое бывает у людей, привыкших командовать, были не простыми отдыхающими. Первым шёл высокий седой мужчина лет пятидесяти, с породистым лицом, в светлом костюме, с привычкой держать руки в карманах пиджака — полковник, как определил Виктор мгновенно, и, судя по его выправке, столичный. За ним — холодная блондинка лет сорока семи, в строгом сером платье, с блокнотом в руках. Третий — молодой, лет тридцати трёх, красавчик с усиками, в модной рубашке с расстёгнутым воротом. Четвёртый — пожилой, грузный, с орденскими колодками на пиджаке, угрюмый и молчаливый, который шёл последним и смотрел себе под ноги.

Четвёрка прошла к столику у противоположного окна, села. Лужин, усаживаясь, обвёл столовую взглядом, задержал его на Викторе и Юле, и Виктор понял, что он их уже знает — или по списку отдыхающих, или по предварительной информации. Кондратьева раскрыла

блокнот и начала что-то записывать. Свечников, усевшись, тут же устался на Юлю, причем с тем особенным выражением, какое бывает у молодых людей, которые привыкли к женскому вниманию и которые не прочь добавить к нему ещё немного. Прохоров, единственный, кто не смотрел ни на кого, сидел, опустив голову, и крутил в руках стакан с водой.

— Москвичи, — тихо сказала Юля. — Сейчас начнётся.

— Подожди, — Мальцев не поднял головы от тарелки. — Не лезь на рожон. Мы в отпуске.

— Я и не собираюсь лезть, — Юля отхлебнула кофе. — Но, если полезут ко мне

— Знаю, — Виктор усмехнулся. — Потому и прошу не лезть.

Завтрак продолжался. Лужин, о чём-то поговорив со своими, встал, подошёл к их столику, остановился, держа в руке чашку кофе. Улыбка его была профессионально-вежливой, и в ней, как в хорошем коньяке, чувствовалась многолетняя выдержка.

— Доброе утро, — сказал Лужин бархатым баритоном. — Геннадий Петрович Лужин, МУР. А вы, насколько я понимаю, — Мальцев и Селиванова из Кубинска?

— Виктор Павлович Мальцев, лейтенант, уголовный розыск города Кубинска, — Виктор поднялся, протянул руку. — А это Юлия Сергеевна Селиванова, старший следователь прокуратуры. Очень приятно.

— Кубинск, — Лужин пожал руку, и в его голосе мелькнула та интонация, какую Виктор уже предвидел. — А, провинция. У вас там, наверное, спокойно? Кражи колбасы с гастронома, ну, может, ещё хулиганство какое. Иногда, наверное, и убийство случается. Бытовое.

Виктор выдержал паузу. Потом ответил с той спокойной убийственной точностью, какую он отрабатывал на допросах, и которая обычно заставляла собеседника поперхнуться:

— Кража колбасы, Геннадий Петрович, — это статья сто сорок четвёртая, часть первая, до одного года исправительных работ. У нас в Кубинске, кстати, раскрываемость по сто сорок четвёртой — восемьдесят семь процентов. По убийствам — семьдесят два. Это, конечно, не столичные показатели. Но, кажется, и не провинциальные.

Лужин моргнул. Кондратьева, наблюдавшая за разговором из-за столика, приподняла бровь. Свечников хмыкнул. Прохоров, единственный, не шелохнулся, и Виктор подумал, что этот, наверное, самый интересный из четверых, и что с ним, возможно, ещё придётся поговорить.

— Что ж, — Лужин кивнул. — Рад за вас. Приятного отпуска.

Он вернулся к своему столику, и больше за завтраком к ним не подходил. Юля, не выдержав, тихо рассмеялась:

— Витя, ты его убил. Аккуратно, без следов, но убил.

— Я не убиваю за завтраком, — Виктор отрезал кусок сыра. — Это неэстетично.

«Хорошо сказано, лейтенант, — одобрил Аш-Шарим. — Хотя в моём мире за такое обращение к магу пятого круга его бы, пожалуй, сожгли на месте. Но вы, я вижу, решаете конфликты иначе. Это, наверное, прогресс».

После завтрака Нина Павловна Гранкина, заведующая санаторием, вызвала их в свой кабинет — комнату на первом этаже, с портретом Дзержинского на стене, напольными часами с боем и письменным столом, на котором лежали стопки путёвок, медицинских карт и каких-то бланков. Нина Павловна была женщиной лет пятидесяти двух, подполковником милиции в отставке, с короткой стрижкой и пронзительным взглядом серых глаз, которые, казалось, видели собеседника насквозь, как рентген.

— Мальцев, Селиванова, — она подняла на них глаза. — Садитесь. Я вас вызвала не для того, чтобы пугать, а для того, чтобы предупредить. У нас в санатории отдыхают разные люди. Есть милиционеры из провинции, как вы. Есть москвичи, чины повыше. Есть военные. Есть и... гражданские. — Она сделала паузу. — Я рекомендую вам не вмешиваться в чужие дела. Вы в отпуске. Отдыхайте. Купайтесь. Загорайте. Гуляйте по набережной. Пейте вино. Ешьте чурчелу. Не лезьте ни в какие истории.

— Ясно, — кивнул Виктор.

— Юлия Сергеевна, — Нина Павловна повернулась к Юле. — Я знаю, что вы следователь прокуратуры. Но здесь вы — отдыхающая. Если что-то заметите — приходите ко мне. Не пытайтесь сами.

— Поняла, — Юля кивнула.

— Хорошо. Идите. И ещё: если будете ездить на машине — паркуйте её у бокового входа, не у парадного. У нас тут иногда бывает тесно.

— Понял, — Виктор встал. — Спасибо.

Они вышли. Юля, уже в коридоре, тихо сказала:

— Витя, она нас пугает.

— Не пугает, а предупреждает. Это разные вещи.

«Впрочем, — подумал Аш-Шарим, и его мысль была обращена только Виктору, — она нас не пугает, она нас изучает. Это старая служака, лейтенант. Она видит в нас не просто отдыхающих, а потенциальных помощников. Или потенциальных проблем. Она пока не решила, что именно».

— Я бы тоже, — мысленно согласился Виктор.

После кабинета заведующей они вышли на набережную. Утро было ясное, море — синее и блестящее, как разлитая ртуть, и в его синеве, как белые точки, качались какие-то лодки, может, рыбачьи, может, контрабандистские. Набережная Судака была не такой длинной, как в Ялте или Алуште, но зато — живой: она не была рассчитана на туристов, она была рассчитана на жизнь. Здесь, вдоль парапета, стояли лотки, на которых торговали чурчелой, пахлавой, курагой, лепёшками, сувенирами из ракушек, открытками с видами крепости, и ещё — магнитофоны, из которых неслись песни «Ласковая моя» Синявской, «Трава у дома» Землян, и какая-то другая, которую Виктор не узнал, но которая тоже была из этого лета тысяча девятьсот девяностого года.

У ряда автоматов с газированной водой Виктор и Юля остановились. Старые советские автоматы, стеклянные стаканы в металлических держателях, которые промывались струёй воды из специального отверстия — гигиена, которая, впрочем, не мешала каждому третьему отдыхающему думать о том, кто пил из этого стакана до него. Виктор бросил монетку в три копейки, и стакан наполнился шипящей газировкой с малиновым сиропом, тягучим и при-торно-сладким. Юля взяла другой стакан, без сиропа, за одну копейку. Они чокнулись.

— За Судак.

— За Судак.

После набережной пошли на рынок. Судакский рынок был, как выяснилось, не просто рынком — это был целый мир, со своими законами, своими королями, своими шутами и своими изгоями. Он располагался на большой площадке у подножия холма, на котором стояла крепость, и с утра до вечера гудел, как улей. Запахи здесь были такие, от которых у Виктора, который вырос на городском рынке в Кубинске, закружилась голова: специи — кориандр, зира, шафран, перец красный и чёрный, корица; жареное мясо с углей; пот; дешёвые духи; виноград; дыни; персики; и ещё какой-то особенный, ни на что не похожий запах, который бывает только на южных рынках и который Аш-Шарим определил как «запах азиатского базара, который не меняется последние три тысячи лет».

Торговцы были разные. Здесь были усатые азербайджанцы, которые торговали коврами и платками и которые, увидев Виктора и Юлю, начинали кричать «командир, командир, какой ковёр, какой платок!»; были кривоzubые татары, которые продавали чак-чак и пахлаву, и у которых на лотках сидели мухи, ленивые от жары; были греки, смуглые и черноглазые, которые торговали рыбой и у которых на прилавке лежали какие-то морские чудовища — осьминоги, кальмары, мидии, — которых Виктор в жизни не видел; были корейцы, которые продавали морковку по-корейски и редьку, и от лотков которых несло чесноком и уксусом на тридцать

метров; были русские, которые продавали то, что попало, — от шарфов до зажигалок, и которые отличались от остальных тем, что не кричали, а стояли, как будто стеснялись.

К Виктору подкатился усатый азербайджанец Рамиз, с ковром, разумеется. Виктор вежливо отказал. Рамиз перешёл к Юле:

— Девушка, слушай, ты не понимаешь, какой платок, тебе за бесценок отдам, ты только потрогай! Шёлк, настоящий, тётка моя в Маргилане ткала, три месяца ткала, глаза испортила, но какой платок — загляденье!

Виктор сделал шаг вперёд, и в его взгляде мелькнула та доля магического холода, которую Аш-Шарим научился транслировать через его глаза. Рамиз отшатнулся, побледнел, пробормотал что-то невнятное и почти бегом отступил к своему лотку.

— Что ты ему сказал? — удивлённо спросила Юля.

— Ничего, — Виктор пожал плечами. — Просто посмотрел.

«В моём мире, — задумчиво произнёс Аш-Шарим, — я уже говорил, таких торговцев сажали на кол. Впрочем, у вас, я вижу, нравы мягче. Заметно мягче».

— Да, ты уже это говорил, — пробормотал Виктор.

— Что? — спросила Юля.

— Говорю. Пойдём, посмотрим фрукты.

На рынке они накупили персиков, абрикосов, винограду, чурчхелы и пахлавы, и Юля, которая терпеть не могла торговаться, всё-таки сторговала у одного старого грека пол кило инжира за сорок копеек, чем привела грека в неописуемый восторг. Старый грек, который, как выяснилось, звался Димитраки и который жил в Судаке с двадцатых годов, рассказал им, что помнит ещё турок, и что при турках было хуже, но чище, и что сейчас, при советской власти, жить можно, но «торговать стало опасно, потому что появились братки, которым плати».

— Какие братки? — спросил Виктор, делая вид, что просто из любопытства.

— Разные, — Димитраки махнул рукой. — Местные, приезжие. Есть один, например, Серёга Кривой, который «крышует» весь рынок. Плати ему десять процентов с торга, и он тебя не трогает. Не плати — он тебя тронет. Или его ребята тронут. Вон, смотри, — старик кивнул в сторону. — Вон они стоят, у мясного ряда.

Виктор посмотрел. У мясного ряда стояли трое. Двое молодых, лет двадцати пяти, в спортивных штанах, майках-алкоголичках, с золотыми цепями на шеях, которые были видны из-под воротников. Третий — постарше, лет тридцати пяти, кривой на один глаз, что и дало ему прозвище, в кожаной куртке, несмотря на жару, и с тем особенным выражением лица, какое бывает у людей, которые привыкли, что их боятся. Они стояли, курили, и иногда один из них, тот, что помладше, оглядывал рынок, как хозяин оглядывает своё стадо.

— Серёга Кривой, — повторил Виктор. — И что, он местный?

— Местный, — Димитраки кивнул. — Из Судака. Раньше на базе работал, грузчиком. А потом перестройка началась, кооперативы, и он решил, что тоже кооператив. Только кооператив у него особый. Защитный.

— А милиция?

— А милиция, — грек усмехнулся, и в его усмешке было столько горечи, что Виктору стало не по себе, — милиция, молодой человек, кушает плов в столовой у Розы. И не замечает. Или делает вид, что не замечает.

Виктор кивнул, купил ещё инжира, и они с Юлей пошли дальше. Юля, которая всё слышала, молчала, и Виктор знал, что она тоже всё поняла.

— Витя, — сказала она, когда они отошли. — Это не наше дело.

— Я знаю.

— Мы в отпуске.

— Я знаю.

— Но ты ведь уже думаешь об этом.

Виктор помолчал. Потом кивнул:

— Думаю. Но не делаю. Пока.

«Хорошо сказано, лейтенант, — одобрил Аш-Шарим. — Пока — это хорошее слово. Оно означает, что ты ещё не решил, но уже не отказался».

После рынка, нагрузившись пакетами, они вернулись в санаторий, переоделись и пошли на пляж. Пляж был галечный, и галька, прокалённая солнцем, обжигала босую ногу так, что Юля, которая шла первой, пару раз вскрикнула и пустилась бегом, размахивая пакетом с полотенцами. Виктор, который шёл следом, посмеивался, и Аш-Шарим посмеивался тоже, что было для него редкостью. Море было тёплым, почти как парное молоко, и солёным, и пахло оно водорослями, йодом и какой-то особенной крымской прохладой, которой не было ни на Чёрном, ни на Азовском море, и которую Аш-Шарим определил как «запах моря, которое помнит геноуэзцев, и которое поэтому чуть-чуть итальянское».

Юля, которая в купальнике — современном, из магазина «Товары для женщин» в Кубинске, — выглядела так, что Виктор на мгновение забыл, где он, и Аш-Шарим в его голове, который тоже на мгновение забыл, кто он, тихо произнёс:

«Не смущайся, лейтенант. В моём мире женщины купались обнажёнными, и никто не считал это чем-то особенным. Хотя, признаю, Юлия Сергеевна в вашем купальнике выглядит... впечатляюще».

— Аш, замолчи, — мысленно попросил Виктор. — Ты мне мешаешь.

«Прошу прощения, лейтенант. Я не хотел. Просто... констатирую».

Они купались, загорали, и иногда Юля, которая плавала лучше Виктора, уплывала далеко, и Виктор нервничал, и Аш-Шарим нервничал тоже, хотя и делал вид, что нет. Когда она возвращалась, мокрая, с прилипшими к лицу волосами, Виктор испытывал то чувство, которое не испытывал никогда в жизни, — чувство, что всё хорошо, что всё будет хорошо, и что в этом мире, при всех его безобразиях, есть ради чего жить.

— Аш, ты ведь тоже когда-то был человеком, — мысленно ответил Виктор.

«Был, лейтенант. Но это было так давно, что я уже не помню, каково это. Я помню только, что у меня была мать. И что она пела мне колыбельную. И что я её любил. Это всё, что осталось. Через тысячу лет от человека остаётся только то, что он любил. Остальное выгорает, как трава в засуху».

После пляжа они пообедали в столовой, и Юля, которая уже освоилась, заказала себе шашлык, который дядя Гриша, увидев её, лично принёс из кухни, с поклоном, с золотой коронкой, блеснувшей в свете люстры.

— Кушайте, дорогие, кушайте, — приговаривал он. — Молодёжь должна хорошо кушать. Чтобы силы были.

— Для чего? — Юля улыбнулась.

— Для всего, дорогая. Для всего.

Виктор усмехнулся. Юля тоже. Дядя Гриша, довольный, удалился, и Аш-Шарим в голове Виктора тихо произнёс:

«Этот человек, лейтенант, — не простой метрдельник. Я видел в его ауре тени, которые бывают только у людей, которые видели многое. Спроси его как-нибудь. Расскажет».

— Спрошу, — мысленно пообещал Виктор.

После обеда они поднялись в номер, чтобы немного отдохнуть, и Юля, которая всегда спала после обеда, уснула мгновенно, положив голову ему на плечо. Виктор лежал без сна, смотрел в потолок, и думал о том, как странно сложилась его жизнь. Полгода назад он был помятым опером с похмельным синдромом, потом он утонул в ванне, в собственной ванне утонул прежний Виктор Мальцев, а вместо него очнулся кто-то другой. И вот теперь он лежит в санатории в Судаче, с женщиной, которую любит, с магом в голове, с флягой ртути у сердца, и думает о том, что, может быть, в этой жизни ещё есть смысл.

— Аш, ты ведь тоже когда-то был человеком, — мысленно повторил он.

«Был, лейтенант. Но это было так давно, что я уже не помню, каково это. Я помню только, что у меня была мать. И что она пела мне колыбельную. И что я её любил. Это всё, что осталось».

Следующий день они посвятили поездке в Новый Свет. Выехали рано утром, на «копейке», по той самой бутылочной дороге, которая вилась между гор и моря и которая называлась так, потому что вдоль неё были вмурованы в асфальт бутылки из-под шампанского — якобы для того, чтобы отражать свет фар ночью, а на самом деле, как думал Виктор просто потому, что кто-то когда-то решил, что это будет красиво. Дорога была узкая, и, если навстречу шёл грузовик, приходилось прижиматься к обочине, которая здесь была каменной, и за которой начинался обрыв, и внизу, далеко внизу, синело море.

Завод шампанских вин в Новом Свете стоял в старом особняке, окружённом виноградниками, и в его подвалах, вырубленных в скале, хранились бутылки с шампанским, которое, как объясняла экскурсовод — молодая женщина в платочке, с голосом учительницы, — выдерживалось здесь по три года. Виктор и Юля прошли по подвалам, которые были прохладными и тёмными, и пахли сыростью, вином и какими-то грибами, которые, по словам экскурсовода, не росли здесь, а просто были, потому что были всегда.

— Аш, как тебе? — мысленно спросил Виктор.

«Вино, конечно, посредственное. Но подвалы хороши. В моём мире такие подвалы были у каждого мага второго круга и выше. У магов первого круга были подвалы, вырубленные в мраморе, и вино там хранилось по сто лет. Но это, конечно, было. Сейчас, наверное, уже нет. Я не был там давно. Очень давно».

— Аш, не прибедняйся, — мысленно ответил Виктор. — Пятый круг — это всё равно очень серьёзно.

«Серьёзно, да. Но недостаточно, чтобы спастись от отравленного клинка наёмного убийцы. Поэтому я здесь, а не там».

Виктор промолчал. После экскурсии они вышли на Царский пляж, где волна сбила Юлю с ног, и Виктор ловил её, и они оба хохотали, и Аш-Шарим в голове Виктора молчал, потому что в такие мгновения даже маги пятого круга понимают, что молчание — золото. На обратном пути остановились у мыса Меганом, который представлял собой огромный каменный выступ, уходящий в море, голый и безжизненный, похожий на спину окаменевшего ящера, и стояли там, смотрели на закат, который был так красив, что у Юлы, обычно не сентиментальной, выступили слёзы.

— Витя, я не хочу, чтобы этот отпуск кончился.

— Не кончится, — Виктор обнял её. — Пока мы здесь, он не кончится.

— А когда мы уедем?

— Тогда начнётся другой отпуск. В Кубинске.

Юля засмеялась и поцеловала его, и Аш-Шарим в голове Виктора промолчал, потому что в такие мгновения даже маги молчат.

Вторник они посвятили крепости. Подъём к Генуэзской крепости шёл по каменным ступеням, вырубленным в скале, и к тому моменту, когда они добрались до первых башен, Юля была мокрая от пота, и её майка прилипла к спине. Виктор, который шёл впереди, время от времени оглядывался, и в его глазах, когда он смотрел на Юлю, было то особенное выражение, какое бывает у мужчин, которые любят и которые боятся, что их женщина устанет.

— Красиво, — сказала Юля, когда они поднялись на башню Кыз-Кула, самую высокую, и перед ними открылся вид на всю бухту, на весь город, на весь мыс Меганом, который теперь, сверху, казался маленьким, как игрушечный. — Витя, ты когда-нибудь видел что-нибудь подобное?

— Видел, — кивнул Виктор. — Хотя и не в этой жизни.

— Что?

— Это я так, к слову, пришлось. Слушай, Юль, я тебе расскажу одну штуку. В тринадцатом веке генуэзцы построили здесь, в Судаке, крепость, которая должна была защищать их колонию от нападений. Они были торговцы, и им нужен был безопасный порт, чтобы возить товары из Китая, из Индии, из Персии. И они построили эту крепость, и держались в ней почти двести лет, пока турки не пришли и не выбили их. А когда турки ушли, крепость осталась. И она стоит до сих пор, семьсот лет. Семьсот лет, Юль. Представляешь?

Юля смотрела на него странно.

— Витя, ты никогда не рассказывал, что читаешь про крепости. И вообще, откуда ты так хорошо знаешь генуэзскую историю?

— Юль, я много чего читаю, ты просто не замечаешь, — Виктор отшутился. — В оперской работе это помогает. Знание — сила.

Юля молчала. Но в её взгляде оставалась тень вопроса, который она пока не решалась задать. Аш-Шарим в голове Виктора предупредил:

«Лейтенант, ты рискуешь. Она умная, она заметит. Скоро тебе придётся либо рассказать, либо придумать очень убедительную ложь. А ложь, лейтенант, она хуже правды. Потому что её надо помнить».

— Знаю, — мысленно ответил Виктор. — Но не сейчас.

— Что? — Юля повернулась.

— Говорю, сейчас не время для лекций. Пойдём, посмотрим башню.

После крепости они пообедали в маленьком кафе у подножия, где подавали лагман и чебуреки, и Юля, которая уже знала, что Виктор иногда знает то, чего не должен знать, не спрашивала больше. Но Виктор видел, что она думает, и Аш-Шарим видел, что она думает, и оба знали, что этот разговор ещё впереди.

В среду, в четверг и в пятницу дни потекли один за другим, похожие, как близнецы, и каждый из них приносил что-то новое — то новый перец на рынке, то новый закат на море, то новый разговор с дядей Гришей, который всё больше и больше нравился Виктору. Дед Фёдор, как выяснил Виктор в одной из своих неспешных бесед с ним, был бывшим милиционером, который после травмы — пулевое ранение в ногу, полученное в восемьдесят седьмом при задержании — вышел на пенсию и попросился при санатории.

— Лейтенант, ты бы кеды на что-нибудь посерьёзнее поменял, — посоветовал дед Фёдор, который подрезал кусты роз у входа в парк и который, не поднимая головы, определил подход Виктора по звуку шагов. — На кожаное, например. А то скрипят, я тебя за тридцать метров слышу.

Виктор удивился, спросил:

— Дед Фёдор, как ты узнал, что я?

— По шагу, лейтенант. У каждого шаг свой. У тебя — лёгкий, но уверенный, как у человека, который привык ходить тихо, но который может в любой момент перейти на бег. У тебя оперский шаг. Я таких знал.

— А у дяди Гриши?

— У дяди Гриши — особый шаг. Он ходит, как кот. Слышно, только когда хочет, чтобы слышали.

Виктор поблагодарил и отошёл, и Аш-Шарим в его голове задумчиво произнёс:

«В моём мире были люди, которые могли слышать шаги за версту. Их называли слышащие горы". Этот дед Фёдор — из таких. Береги его, лейтенант. Он тебе ещё пригодится».

— Я и берегу, — мысленно ответил Виктор. — Он и так уже однажды пригодился, в семьдесят девятом. Не мне, но кому-то.

В пятницу вечером Юля получила письмо. Она получила его у администратора на входе в санаторий, когда возвращалась с пляжа, и, прочитав, побледнела. Виктор, который ждал её в холле, увидел её лицо и сразу понял.

— Витя, это от дяди. Он узнал, что мы в Судак. Просит разрешения приехать.

— И что ты думаешь?

— Не знаю, — Юля села на кровать, и в её голосе была та особая растерянность, какая бывает у сильных людей, когда они вдруг сталкиваются с тем, чего не могут контролировать.

— Я не знаю. С одной стороны, он мой дядя. С другой — он... он такой, какой есть. И я не уверена, что хочу его здесь видеть.

— Юль, — Виктор сел рядом. — Может, он изменился.

— Такие, как Михей, не меняются. Они умеют только притворяться.

— Может быть. Но он твой дядя. И, кроме того, он нам должен за прошлую историю.

— Должен, — Юля кивнула. — Но я не хочу, чтобы он ехал.

— Тогда не отвечай.

— Не отвечу.

Но письмо всё-таки оставило в ней какой-то осадок, и весь вечер Юля была молчаливой, задумчивой, и Виктор несколько раз ловил себя на том, что хочет что-то сказать, но не знает что. Они поужинали, погуляли по набережной, легли спать. Юля заснула быстро, но Виктор лежал без сна и думал о Михее, о его письме, и о том, что в жизни некоторых людей есть тени, которые не исчезают, как бы ни старался свет.

Суббота была тем самым днём, в который произошли два события, которые стоило запомнить. Первым был вечерний бильярд со Свечниковым. Вторым — поход в приморский ресторан, который закончился дракой.

После обеда Виктор и Юля пошли в бильярдную, где Артём Свечников, красавчик с усиками, который явно хотел блистать перед Юлей, предложил Виктору партию. Виктор, который играл в бильярд в армии — там, в части, был стол с порванным сукном и киями, у которых половина наконечников обломана, — согласился. Первую партию он проиграл, намеренно, чтобы присмотреться. Вторую — выиграл. Третью — выиграл вчистую, с таким мастерством, которое бывает только у людей, которые играют с детства.

— Виктор Павлович, — Свечников, проиграв третью партию, отложил кий. — Где вы так научились играть?

— В армии, — Виктор пожал плечами. — В части был один сержант, Лёха Звонарёв, он меня научил.

— В армии учат стрелять, а не играть в бильярд, — Свечников прищурился.

— В армии учат всему, — Виктор улыбнулся. — В том числе и бильярду. Просто не все это замечают.

Свечников кивнул, забрал свой бокал с лимонадом и отошёл. Юля, не поднимая головы от журнала, тихо сказала:

— Витя, ты зря. Он теперь будет тебе мстить.

— Пусть попробует, — Виктор пожал плечами. — Я не боюсь.

«Я тоже не боюсь, — добавил Аш-Шарим. — Этот Свечников — щенок. Я видел щенков страшнее в моём мире. Впрочем, в моём мире щенки иногда вырастали в волков. Будь начеку».

— Буду, — мысленно пообещал Виктор.

— Что? — Юля подняла голову.

— Говорю, буду начеку.

— Я слышу, что ты говоришь сам с собой.

— Привычка.

— Ага, — Юлия посмотрела на него долгим взглядом, в котором читалось: «Я знаю, что ты скрываешь что-то большое, и я дождусь, когда ты расскажешь». — Привычка.

После бильярда они поднялись в номер, переоделись. Виктор — в светлую рубашку и брюки, Юлия — в то самое тёмно-синее вечернее платье, которое она привезла с собой специально для такого случая. Платье было простое, без излишеств, но сидело на ней так, что Виктор, когда она вышла из ванной, на мгновение забыл, как дышать.

— Ты красивая, — сказал он.

— Спасибо, — Юлия улыбнулась. — Ты тоже ничего.

Они вышли из санатория и пошли по набережной в сторону мыса, где, как им рассказал дядя Гриша, был хороший приморский ресторан «У Арсена», который держал местный грек Арсен, и где, по его словам, подавали «такую форель, что у меня, старого армянина, слёзы текут, когда я её ем». Было уже темно, и в чёрном море отражались огни набережной, и где-то далеко, на горизонте, мигал маяк, и пахло водорослями, йодом, нагретым камнем и ещё чем-то неуловимым, что бывает только на южных приморских улочках ночью.

«У Арсена» стоял на самом берегу, за парапетом набережной, и был, скорее, не рестораном, а большим двориком под виноградом, с плетёными креслами, с белыми скатертями на столах, со свечами в каганцах, и с видом на море, который один стоил того, чтобы сюда прийти. Хозяин — Арсен, пожилой грек с чёрными усами и с золотой коронкой, точь-в-точь как у дяди Гриши, — встретил их у входа, проводил к столику у самого парапета, принёс меню, написанное от руки в тетрадке с картонной обложкой.

— Форель? — спросил он. — Сегодня свежая, утренняя, рыбаки привезли. И мидии. И брют. Рекомендую.

— Давайте всё, — кивнул Виктор.

— О, — Арсен просиял. — Хороший выбор. Я сейчас.

Он ушёл, и через минуту на столе появился графин с белым вином, тарелка с мидиями в чесночном соусе, хлеб, масло, и — чуть позже — форель, запечённая на углях, с картофелем и розмарином, и от которой шёл такой запах, что Виктор, который не ел с обеда, почувствовал, что у него кружится голова. Юлия, которая обычно не пила вино, сегодня пила, и щёки её порозовели, и глаза блестели, и в свете свечи она казалась Виктору самой красивой женщиной в мире.

— За нас, — сказала она, подняв бокал.

— За нас, — повторил Виктор.

Они чокнулись. Вино было холодным, сухим, с лёгкой кислинкой, и пахло оно так, как пахнет только хорошее белое вино на юге, — яблоками, цветами, и ещё чем-то, чему нет названия. Аш-Шарим в голове Виктора промолчал, потому что и он, кажется, был под впечатлением.

«Хорошее вино, лейтенант, — наконец произнёс он. — Не великое, но хорошее. В моём мире такое подавали бы на свадьбах младших сыновей второстепенных лордов. Это, кстати, комплимент».

— Спасибо, — мысленно ответил Виктор. — Я передам Арсену.

«Передай. Ему будет приятно».

Они ели форель, пили вино, говорили о том о сём. Юлия рассказала о детстве, о том, как отец возил её в Крым, когда ей было десять, и как она тогда впервые увидела море, и как плакала, когда пришлось уезжать. Виктор рассказал о службе, о капитане Козине, о Лисичкине, о котором Юлия слышала, и пару раз видела. Они смеялись, иногда замолкали, и в этих молчаниях было всё, что нужно.

Романтику прервал шум у входа. Во дворик вошли четверо — кавказцы, лет тридцати-сорока, все в чёрных рубашках, все усаые, все громкие. Они были уже подвыпившие, и один из них, самый высокий, с чёрными бровями, которые срослись на переносице, оглядел

дворик, увидел Юлю, и на его лице появилось то выражение, какое бывает у людей, которые привыкли брать то, что им нравится, не спрашивая.

— О! — сказал он. — Какая женщина! Смотри, Рустам, какая женщина!

— Вижу, — ответил тот, кого называли Рустамом, поменьше ростом, но с такими же усами и такой же золотой цепью на шее. — Вижу, Ахмед. Хорошая женщина. Русская.

— Русская, — подтвердил Ахмед. — Русские женщины — самые красивые. И самые доступные.

Они засмеялись, сели за соседний столик, и Виктор почувствовал, как Юля напряглась. Виктор не подал виду. Он продолжал есть форель, пить вино, разговаривать с Юлей, как будто ничего не случилось. Аш-Шарим в его голове тихо произнёс:

«Они тебя провоцируют, лейтенант. Они хотят, чтобы ты полез в драку. Не поддавайся. Пока».

— Знаю, — мысленно ответил Виктор.

Кавказцы, однако, не унимались. Они заказали водку, шашлык, и начали пить, и с каждым тостом их голоса становились громче, и их комментарии — определённое.

— Эй, русский! — крикнул Ахмед, который, судя по всему, был у них за старшего. — Сколько платишь за женщину? Хочешь, продам тебе свою? Три барана!

Его приятели засмеялись. Юля покраснела, опустила глаза. Виктор, который не подал виду, медленно положил вилку на тарелку, вытер рот салфеткой, и только потом повернулся.

— Дорогие соседи, — сказал он тихо, и в его голосе была та особенная спокойная интонация, какая бывает у оперов, когда они уже решили, что будут делать. — Мы тут ужинаем. Мы вам не мешаем. Будьте добры — не мешайте нам.

— О-о-о, — Ахмед поднялся, и Виктор увидел, что он высокий, выше Виктора, и что под рубашкой у него бугрятся мышцы. — Какой вежливый русский. Дорогие соседи". А если я не хочу быть вежливым? А если я хочу, чтобы твоя женщина пошла со мной? Что ты сделаешь, русский?

— Ничего, — Виктор пожал плечами. — Я просто попрошу вас уйти.

— Попросишь? — Ахмед засмеялся. — Слышь, Рустам, он попросит!

Рустам засмеялся тоже. Двое других, которые сидели за столом, встали, и Виктор увидел, что один из них достал из кармана что-то блестящее — может быть, нож, может быть, просто зажигалку, но в свете свечи блеснуло.

Виктор встал. Медленно, не торопясь. Аш-Шарим в его голове активировался, и Виктор почувствовал, как фляга во внутреннем кармане рубашки теплеет, как мана начинает циркулировать по телу, как время замедляется, и он видит всё — и руку Ахмеда, которая тянется к его плечу, и ноги Рустама, который переступает, готовясь к броску, и блестящий предмет в руке третьего, который оказался, как и думал Виктор, ножом, — небольшим, складным, но ножом.

«Вправо, лейтенант, — сказал Аш-Шарим. — И пригнись».

Виктор шагнул вправо и пригнулся. Рука Ахмеда, которая должна была схватить его за плечо, прошла мимо, и Ахмед, потеряв равновесие, качнулся вперёд. Виктор, не выпрямляясь, сделал шаг к нему, ударил — коротко, точно, в солнечное сплетение — и Ахмед, который явно не ожидал такого от «вежливого русского», сложился пополам и сел на пол. Рустам, который бросился на Виктора, получил удар локтем в челюсть, и тоже сел. Третий, с ножом, замешкался, и в это мгновение Виктор, который уже выпрямился, посмотрел ему в глаза тем самым взглядом, от которого в Кубинске блатные начинали нервничать, и Аш-Шарим добавил в этот взгляд ещё немного холода — достаточно, чтобы третий побледнел, выронил нож и попятился. Четвёртый, который до этого стоял в стороне, решил, что лучше ему не вмешиваться, и отступил к выходу.

Всё это заняло секунд пятнадцать. Может, двадцать. Юля, которая сидела за столом, не шевелясь. Арсен, который выбежал из кухни, увидел двух сидящих на полу кавказцев, побледневшего третьего и четвёртого у двери, и тихо сказал:

— Что тут у вас?

— Ничего, — Виктор вытер руки салфеткой. — Лёгкое недоразумение. Товарищи уже уходят. Правда?

— Правда, — пробормотал Ахмед, который к этому моменту уже пришёл в себя и который, судя по всему, решил, что лучше ему уйти. — Правда. Уходим.

Они поднялись, подобрали нож, и, не оглядываясь, вышли. Арсен посмотрел им вслед, потом повернулся к Виктору:

— Ты, я вижу, не простой человек.

— Какой есть, — Виктор пожал плечами. — Извините за беспокойство.

— Никакого беспокойства, — Арсен усмехнулся. — Этих давно надо было проучить. Они ко мне каждую неделю ходят, дань требуют. Я плачу, конечно, а то ведь придут и разнесут. Но сегодня — сегодня они получили. Спасибо тебе.

— Не за что, — Виктор кивнул. — Счёт, пожалуйста.

— Какой счёт? — Арсен махнул рукой. — Никакого счёта. Ты сегодня — мой гость. И завтра, если придёшь — тоже гость. И послезавтра. Сколько захочешь.

— Спасибо, — Виктор кивнул. — Но я заплачу.

— Не заплатишь, — Арсен покачал головой. — Я — грек, и я знаю, что такое благодарность. Ты сегодня защитил мой дом. Этого достаточно.

Виктор посмотрел на него, потом кивнул. Юля, которая всё это время молчала, тихо сказала:

— Спасибо, Арсен.

— Не за что, дорогая. Идите. И приходите ещё.

Они вышли. Было уже поздно, и набережная опустела, и только редкие фонари горели, как тусклые звёзды. Юля шла молча, и Виктор не нарушал её молчания, потому что знал, что ей нужно подумать.

— Витя, — наконец сказала она. — Ты их сделал за двадцать секунд. Четверых.

— Трое были пьяны, — Виктор пожал плечами. — А четвёртый струсил.

— Это не ответ.

— Это ответ, Юль. Не всё в жизни — магия.

— Я и не говорю про магию. Я говорю про то, что ты их сделал за двадцать секунд. Четверо мужиков, один с ножом, и ты — за двадцать секунд. Это не оперская подготовка. Это что-то другое.

Виктор помолчал. Потом сказал:

— Юль, я расскажу. Но не сейчас. Когда мы закроем это дело.

— Какое дело?

— Я не знаю. Но оно будет.

Юля посмотрела на него. Потом тихо сказала:

— Хорошо. Я подожду. Но учти, Витя: ты опять пообещал.

— Знаю.

Они вернулись в санаторий. Юля, уже в номере, разделась, легла, и Виктор услышал, как она тихо плачет. Он подошёл, сел на кровать, обнял её.

— Юль... что?

— Я испугалась, — она прижалась к нему. — Я испугалась не за них. Я испугалась за тебя. Если бы у них было не четыре ножа, а пистолет?

— У них не было пистолета.

— А если бы был?

— Тогда я бы действовал иначе.

— Как?

— Юль, — Виктор поцеловал её в макушку. — Доверься мне. Пожалуйста. Ты же видела меня на подпольных боях у твоего дяди.

Юля помолчала. Потом кивнула:

— Ладно. Доверяюсь.

«Она доверяет тебе, лейтенант, — тихо произнёс Аш-Шарим. — Не обманывай её доверие. Я, маг пятого круга, знаю, что такое обманутое доверие. Это хуже отравленного клинка. Отравленный клинок убивает тело. Обманутое доверие убивает душу».

— Знаю, — мысленно ответил Виктор. — Знаю.

Они легли спать. Юля уснула быстро, прижавшись к нему, и Виктор лежал без сна и смотрел в потолок, на котором дрожали тени от фонарей. В голове его билась мысль: он пообещал Юле рассказать. Когда-нибудь. И это «когда-нибудь» приближалось.

Воскресенье прошло тихо. Виктор и Юля купались, загорали, гуляли по парку, читали в библиотеке, и Виктор, который в очередной раз подходил к дяде Грише, чтобы спросить про обед, увидел, что дядя Гриша сидит в малом зале столовой, один, перед стаканом чая, и смотрит в окно, и в его глазах есть что-то такое, чего Виктор раньше не видел, — далёкая, грустная тень, как у людей, которые вспоминают то, что не хотят вспоминать.

Виктор подошёл, сел напротив. Дядя Гриша поднял на него глаза, кивнул:

— Здравствуй, лейтенант. Садись. Чай будешь?

— Буду, — кивнул Виктор.

Дядя Гриша налил ему чаю, подвинул сахарницу. Помолчали. Потом дядя Гриша, не поднимая глаз от стакана, сказал:

— Я, знаешь, лейтенант, вчера слышал про твою драку в «У Арсена». Арсен мне рассказал.

— И что? — Виктор напрягся.

— Ничего, — дядя Гриша покачал головой. — Хорошо сделал. Этих придурков давно надо было проучить. Они ко мне тоже ходят, дань требуют. Я плачу, конечно, а то ведь придут и разнесут. Но ты — ты молодец. — Он помолчал. — И я тебе скажу, лейтенант, одну вещь. Я тебя с первого дня заметил. По глазам. Ты — не простой опер. Ты — кто-то ещё.

Виктор молчал. Дядя Гриша поднял на него глаза, и в этих глазах, обычно тёплых и южных, была теперь серьёзность, какой Виктор у него раньше не видел.

— Я, лейтенант, в молодости служил в милиции. В Ереване. Это было давно, при Бери, в пятьдесят третьем, ещё до его смерти. Я тогда был молод, горяч, и думал, что могу всё. У нас там было одно дело — дело Арама Тадевосяна, которое мы вели с одним армянским опером, Ашотом Карапетяном. Хороший был опер, Ашот. Умный, тихий, и с глазами, как у тебя. — Дядя Гриша помолчал. — Ашот умел видеть то, чего другие не видели. Он мог зайти в комнату, посмотреть на человека, и сказать: «Этот виновен» или «Этот невиновен». И он не ошибался. Никогда. Я его спрашивал: «Ашот, как ты это делаешь?» Он отвечал: «Гриша, я не делаю. Я просто вижу». — Дядя Гриша снова помолчал. — Ашот погиб в пятьдесят пятом, при задержании. Его застрелили. Я тогда едва не ушёл из милиции. Но остался. А потом, через несколько лет, понял, что Ашот был прав. Видеть — это не делать. Видеть — это видеть. И тогда я понял, что быть опером — это не работа. Это призвание. Как быть магом, наверное.

Виктор вздрогнул. Дядя Гриша, который не заметил его вздрагивания, продолжал:

— Я тебе это рассказываю, лейтенант, потому что ты — из таких, как Ашот. Ты видишь. Я не знаю, как ты это делаешь, и не хочу знать. Но я хочу, чтобы ты знал: я на твоей стороне. Если тебе будет нужна помощь — приходи. Я здесь двенадцать лет. Я знаю всех. И меня знают все.

— Спасибо, дядя Гриша, — Виктор поднял на него глаза. — Я это запомню.

— Запомни, — дядя Гриша кивнул. — И, знаешь, лейтенант... — Он помолчал. — Я видел вчера, как ты ушёл из санатория. И как вернулся. И как Юлия Сергеевна плакала. Я не спрашиваю, что случилось. Но если тебе нужна будет помощь — я здесь.

— Спасибо, — повторил Виктор.

Дядя Гриша кивнул, и они молча допили чай. Виктор вышел, и Аш-Шарим в его голове тихо произнёс:

«Этот человек, лейтенант, — не простой метрдотель. Я тебе это уже говорил. Теперь ты сам видишь. Он — из тех, кого в моём мире называли хранителями порога". Они стоят на пороге между порядком и хаосом, и держат. Иногда — всю жизнь».

— Я заметил, — мысленно ответил Виктор.

— Заметил. Но не до конца. Присмотрись к нему ещё. Он знает больше, чем говорит.

В понедельник утром, на зарядке, Юля заметила, что подполковник Прохоров не вышел. Он всегда выходил первым, в шесть сорок пять, и делал свою неспешную пробежку по аллее, тяжело дыша и опираясь на перила, когда поднимался по лестнице. Сегодня его не было.

«Что-то не так, лейтенант».

— Что именно?

«Не знаю. Но аура, которую я вчера чувствовал у Прохорова, сегодня утром исчезла. Не потускнела, не рассеялась — исчезла. Как будто её никогда не было».

— Это значит, что он...

«Это значит одно из двух. Либо он уехал ночью, тайком. Либо что ему уже всё равно».

— Либо что?

Виктор нахмурился. Но тут Юля, заметив его выражение, спросила:

— Витя, что случилось?

— Ничего, — Виктор покачал головой. — Показалось.

— Что показалось?

— Прохоров не вышел на зарядку.

— Ну, может, спит, — Юля пожала плечами. — Он вчера вечером здорово пил, я видела, как он ушёл в бар.

— Может быть, — кивнул Виктор. — Может быть.

Но Аш-Шарим в его голове молчал, и это молчание было хуже любых слов.

Воскресенье после обеда прошло странно. Юля, которая после вчерашней драки в ресторане была задумчива и молчалива, прилегла в номере и заснула, и Виктор вышел на балкон, закурил, и смотрел на море, и думал о том, как странно устроена жизнь. Два дня назад они купались в море, пили вино, ели шашлык, и ничего не предвещало неприятностей. Теперь — вот. И Аш-Шарим в его голове думал тоже, и его думы были темнее, чем обычно.

«Лейтенант, — наконец произнёс он, — ты ведь заметил, что в этом санатории что-то не так».

— Заметил. С первого дня.

«И что именно не так?»

— Москвичи. Они приехали не просто отдыхать. Они ведут себя так, как будто ждут чего-то. Или кого-то.

«Я тоже это чувствую. Их ауры — все четыре — связаны чем-то. Как будто они держат один и тот же канат, и, если кто-то один отпустит — канат порвётся».

— И что будет, когда порвётся?

«Не знаю, лейтенант. Но я боюсь, что узнаем скоро. Очень скоро».

Виктор затушил сигарету, бросил окуроч в пепельницу, которую Юля выставила на балкон, и подумал, что, может быть, он зря вышел в отпуск. Может быть, нужно было остаться в Кубинске, в своём кабинете в РОВД, с капитаном Козиным, с глухарями, с обычной оперской работой, в которой, по крайней мере, всё было понятно. Но потом он посмотрел на Юлю,

которая спала, положив голову на подушку так, что её волосы рассыпались по подушке, как водоросли по песку, и подумал, что нет, не зря. Не зря.

Вечером, в субботу, был танцевальный зал. Виктор и Юля, которые после вчерашнего ресторана решили не сидеть в номере, спустились в зал — большой, с паркетным полом, с люстрой под потолком, с зеркальными стенами, в которых отражались пары, и с маленькой сценой, на которой стоял оркестр — три музыканта: один с аккордеоном, второй с контрабасом, третий с ударными. Музыканты были старые, медлительные, и играли так, как будто каждый аккорд вспоминали отдельно, но их музыка была хороша — мягкая, тёплая, как старое вино, и Виктор, который не любил танцевать, на этот раз не стал отказываться.

Юля была в вечернем платье, тёмно-синем, с открытой спиной, которое она привезла с собой и которое, как она признавалась Виктору, «стоило ей половины зарплаты и трёх недель поисков в Москве». Платье сидело на ней так, что Виктор, когда она вышла из номера, испытал то же чувство, что и вчера, — чувство, что у него перехватывает дыхание. Волосы она собрала в высокую причёску, и в ушах у неё были маленькие серёжки, которые ей подарила мать.

Они танцевали вальс. Оркестр играл «Амурские волны», и Юля, которая вальсировала лучше Виктора, вела его мягко, без нажима, и Виктор, который обычно спотыкался, сегодня танцевал легко, как будто Аш-Шарим помогал ему с координацией. Может быть, и помогал, потому что, когда Виктор мысленно его поблагодарил, Аш-Шарим в его голове тихо ответил:

«Не благодари, лейтенант. Это самое малое, что я могу сделать. В моём мире я танцевал при дворе императора Шаарима, и танцевал хорошо. Но это, пожалуй, приятнее. Потому что Юлия Сергеевна танцует лучше любой из придворных дам».

— Спасибо, — мысленно ответил Виктор. — Я ей передам.

«Не надо. Она знает».

Вальс кончился. Оркестр заиграл фокстрот, и Юля, которая фокстрот не любила, сказала:

— Витя, давай сядем. Я устала.

— Давай.

Они сели в углу зала, и Виктор заказал два бокала шампанского — не судакского, а новосветского, которое в санатории подавали по особым случаям. Юля отпила, посмотрела на зал, и вдруг тихо сказала:

— Витя, смотри. Свечников с Кондратьевой.

Виктор посмотрел. Артём Свечников и Ирина Витальевна Кондратьева танцевали — не вальс и не фокстрот, а что-то медленное, почти неподвижное, и Свечников держал Кондратьеву за талию так, как будто боялся, что она убежит. Кондратьева, обычно холодная и недоступная, сегодня была другой — щёки её порозовели, и в глазах, обычно ничего не выражающих, горел огонёк, который Виктор видел у неё впервые.

— Интересно, — сказал Виктор.

— Что интересно?

— Свечников и Кондратьева. Они, кажется, ближе, чем нам казалось.

— Они оба москвичи, — Юля пожала плечами. — Может, они и в Москве вместе.

— Может быть, — кивнул Виктор. — Но я видел Свечникова вчера, на бильярде. Он смотрел на тебя так, как будто готов на всё. А сегодня он танцует с Кондратьевой. Это — что-то новое.

— Или старое, — Юля усмехнулась. — Может, они давно вместе, и Свечников просто любит пофлиртовать.

— Может быть, — Виктор кивнул. — Но я бы присмотрелся.

«Хорошо сказано, лейтенант, — одобрил Аш-Шарим. — Я бы присмотрелся к ним тоже, даже если бы не был магом пятого круга. Между этими двумя что-то есть. И это что-то — не только романтика. Тут что-то ещё».

— Что именно?

«Не знаю. Но когда Свечников посмотрел на Кондратьеву, в его ауре мелькнуло что-то тёмное. Страх, может быть. Или вина. Или и то, и другое. Присмотрись».

— Присмотрюсь, — мысленно пообещал Виктор.

Танец кончился. Свечников проводил Кондратьеву к её столику, поцеловал её руку — что было не в обычаях санатория, но что Кондратьева приняла с холодной грацией, — и вернулся к своему столу, где его ждал Лужин. Лужин, который тоже был в зале, в штатском, в тёмном костюме, который сидел на нём так, как будто был сшит на заказ, пил коньяк и смотрел на пары с тем выражением, какое бывает у людей, которые привыкли наблюдать, но не участвовать. Рядом с ним стоял пустой стакан — Прохоров, судя по всему, сегодня не пришёл.

— Прохоров опять не вышел, — тихо сказала Юля.

— Я заметил.

— Может, он болеет?

— Может быть. Но Лужин, судя по его виду, не беспокоится. А Лужин — не тот человек, который не беспокоится о товарище.

— Ты думаешь, что-то не так?

— Я не думаю, — Виктор покачал головой. — Я наблюдаю. Пока.

Оркестр заиграл румбу. Виктор и Юля не танцевали румбу — Виктор не умел, а Юля, которая умела, не хотела. Они сидели, пили шампанское, и смотрели на пары, и Виктор, который по привычке оперов отмечал всех, кто был в зале, заметил, что дядя Гриша стоит у стены, и смотрит на Лужина, и в его глазах, обычно тёплых, мелькнула тень, которую Виктор не мог определить, но которая ему не понравилась.

— Витя, — Юля тронула его за руку. — Идём танцевать?

— Давай.

Они вышли на паркет, и оркестр, как будто почувствовав, заиграл «Брызги шампанского» — медленно, мягко, и Юля, которая эту мелодию знала с детства, тихо запела.

— Витя, — сказала она, когда они кружились в вальсе. — Кондратьева опять записывает.

— Пусть записывает, — Виктор улыбнулся. — Может, у неё диссертация по провинциальным операм.

— А если серьёзно?

— А если серьёзно, — Виктор помолчал. — Я думаю, что москвичи приехали сюда не просто отдохнуть. У них какой-то свой счёт. И этот счёт как-то связан с Прохоровым, который не выходит из номера третий день.

— Прохоров? — тихо спросила Юля.

— И Прохоров. И Лужин. И Кондратьева. И Свечников. Все четверо. Они держатся вместе, но между ними есть какое-то напряжение. Как будто они держат что-то в секрете, и этот секрет их связывает, но и тяготит.

— Ты опер, — Юля усмехнулась. — У тебя профессиональная деформация.

— Может быть, — Виктор кивнул. — Но я бы присмотрелся к ним повнимательнее.

«Хорошо сказано, лейтенант, — одобрил Аш-Шарим. — Я бы присмотрелся к ним тоже, даже если бы не был магом пятого круга. Присмотрись особенно к Прохорову. Его аура... странная. Как будто он ждёт чего-то плохого, и это плохое уже близко».

— У Прохорова?

«У Прохорова».

— Что с его аурой?

«Тревога. Подавленность. Страх. Как будто он ждёт чего-то плохого, и это плохое уже близко».

Виктор промолчал. Вальс кончился, они поблагодарили друг друга, и Юля, сославшись на усталость, попросила проводить её в номер. Они поднялись, и Виктор, уже у двери номера, увидел, как из соседнего номера — 207-го, где жил Прохоров — вышел Лужин. Он был бледен,

и в его руке был какой-то предмет, который он быстро спрятал в карман, и Виктор, который не мог не заметить этого, проводил его взглядом.

— Витя? — Юля заметила его взгляд. — Что?

— Ничего, — Виктор покачал головой. — Показалось.

— Опять показалось?

— Опять.

— Витя, — Юля остановилась у двери номера. — Расскажи мне.

— Юль...

— Я знаю, что ты что-то видишь. Что-то, чего я не вижу. Что-то, что связано с Аш-Шаримом. Я не спрашиваю, что именно. Я спрашиваю — что ты заметил сейчас?

Виктор помолчал. Потом сказал:

— Лужин вышел из номера Прохорова. С чем-то в руке. Спрятал в карман.

— И?

— И ничего. Пока. Но я бы присмотрелся к нему повнимательнее.

— Ты думаешь, что-то случилось?

— Я не думаю. Я наблюдаю.

Юля кивнула, открыла дверь, вошла. Виктор, уже в номере, разделся, лёг. Юля легла рядом, прижалась, и Виктор почувствовал, как она дрожит — не от холода, а от чего-то другого, от того предчувствия, которое бывает у людей, которые чувствуют, что что-то надвигается.

— Витя, — прошептала она. — Ты обещал рассказать.

— Обещал.

— Когда?

— Когда закроем это дело.

— Какое дело?

— Я не знаю. Но оно будет. Скоро.

Юля помолчала. Потом тихо сказала:

— Я боюсь, Витя.

— Чего?

— Тебя. Того, что ты скрываешь. Того, что, может быть, я не должна знать.

— Должна, — Виктор поцеловал её в макушку. — Должна. И я расскажу. Обещаю.

«Ты обещал, лейтенант, — тихо произнёс Аш-Шарим. — Не обманывай».

— Не обману, — мысленно ответил Виктор. — Когда-нибудь.

«Когда-нибудь — это не ответ».

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Аш-Шарим помолчал. Потом произнёс:

«Ладно, лейтенант. Я верю тебе. Потому что у меня нет другого выхода. И потому что ты — единственный, кто у меня есть».

Виктор закрыл глаза. Сон не шёл. Юля спала рядом, и её дыхание было ровным, и Виктор подумал, что, может быть, в этом мире ещё есть что-то, ради чего стоит просыпаться по утрам.

Завтрак прошёл как обычно. Москвичи сидели за своим столиком, и Прохорова среди них не было. Лужин, на вопрос Нины Павловны, пробурчал:

— Спит. Сказал, что нездоровится.

Нина Павловна кивнула и больше вопросов не задавала, потому что в её практике заведующей санаторием бывали случаи, когда отдыхающие не выходили к завтраку, и чаще всего это означало именно то, что казалось, — перебрали накануне.

— Юль, давай сегодня останемся в санатории, — предложил Виктор.

— Почему?

— Не знаю. Просто хочу.

Юля посмотрела на него долгим взглядом, в котором читалось: «Ты что-то знаешь и не говоришь», — но спорить не стала. Они пошли в библиотеку, которая была на первом этаже, в боковом крыле, и в которой пахло старой бумагой, кожей, пылью и ещё чем-то, что бывает только в библиотеках, — знанием. Виктор сел в кресло, взял подшивку «Огонька» за прошлый год, и сделал вид, что читает. Юля, которая была умнее, взяла подшивку «Науки и жизни» и действительно читала, но время от времени поглядывала на Виктора, и в её взгляде была та особенная смесь тревоги и доверия, какая бывает у людей, которые любят и которые боятся.

«Ну?» — мысленно спросил Виктор.

«Тишина, лейтенант. Полная тишина. Аура Прохорова не возвращается. Это не сон, это что-то другое».

— Что именно?

«Я не знаю. Но если бы я был в своём мире, я бы пошёл и проверил. Здесь, в этом мире, мне остаётся только ждать».

Виктор открыл глаза. Юля сидела рядом, и в её взгляде было то особое выражение, какое бывает у следователей, когда они понимают, что происходит что-то, о чём им не говорят.

— Витя, — сказала она тихо. — Что ты от меня скрываешь?

— Юль, я ничего не скрываю. Просто у меня предчувствие.

— У оперов не бывает предчувствий. У оперов бывает опыт.

— Хорошо. У меня опыт. И опыт подсказывает, что с Прохоровым что-то не так.

— Что именно?

— Не знаю. Давай подождём до вечера. Если он не выйдет к ужину — пойдём к нему в номер.

— Витя, мы в отпуске. Мы не имеем права вмешиваться.

— Я знаю. Но если что-то случилось, мы не имеем права пройти мимо.

Юля помолчала. Потом кивнула:

— Хорошо. До ужина.

Но до ужина не дождались. В три часа дня, когда Виктор и Юля сидели в библиотеке и Юля листала подшивку «Науки и жизни», а Виктор делал вид, что читает, в коридоре раздался крик — короткий, сдавленный, женский, и потом — топот ног, и потом — голос Марьям, горничной, которая бежала по коридору и кричала:

— Помогите! Помогите! Там, в двести седьмом!

Виктор вскочил первым. Юля — следом. Они выскочили в коридор, и увидели Марьям, которая стояла у двери номера 207, белая, как стена, и держалась за сердце. Виктор подбежал, заглянул в приоткрытую дверь. И увидел.

— Там, — сказала Марьям, и голос её дрожал. — Там, в двести седьмом, подполковник... подполковник...

Она не договорила, потому что ноги у неё подкосились, и она осела на пол. Виктор подхватил её, усадил в кресло. Юля, которая уже взяла себя в руки, присела рядом, обняла её.

«Лейтенант, отпуск кончился. Пошли работать».

Глава 3

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. УБИЙСТВО И РАССЛЕДОВАНИЕ

Глава, в которой в санатории обнаруживают труп, Виктора и Юлю втягивают в расследование, москвичи пытаются взять дело под контроль, а Аш-Шарим начинает понимать, что в этом мире он нашёл то, чего в своём не имел

Виктор оставил Юлю с Марьям, которая постепенно приходила в себя, и поднялся на второй этаж. В коридоре у номера 207 уже стояла Нина Павловна, бледная, с поджатыми губами, и рядом с ней — Тамара, старшая медсестра, которая держала в руках аптечку. Из номера доносился запах, который Виктор, как опер, привык узнавать с первого вдоха, — запах недавно умершего тела, смесь кала, мочи, чего-то сладковатого и чего-то ещё, чему нет названия, но что узнают все, кто хоть раз входил в комнату с мертвецом.

— Мальцев, — Нина Павловна подняла голову. — Идите сюда. Вы опер, вам виднее.

Виктор кивнул, подошёл, заглянул в приоткрытую дверь. Номер двести седьмой был стандартным: две кровати, разделённые тумбочкой с лампой, на стене — ковёр с изображением горного пейзажа, в углу — старый радиоприёмник «Маяк», у окна — стол и два стула. На одной из кроватей, на спине, лежал подполковник Матвей Ильич Прохоров, и глаза его были открыты, и смотрели они в потолок с тем особенным выражением, какое бывает у людей, которые умерли недавно и которые ещё не поняли, что умерли.

Виктор осмотрел номер, не входя. На столике у кровати — графин с водой, но стакан перевернут и лежит на полу, словно Прохоров выронил его в последний момент. На подоконнике — след пепла, хотя Прохоров не курил, по крайней мере, прилюдно. На тумбочке — пузырёк нитроглицерина, который, судя по всему, не открывали. На столе — остатки ужина: буженина, отварной картофель, соленья, и пустая бутылка из-под «Муската». Второй бокал — чистый, нетронутый.

«Кто-то здесь был, — тихо произнёс Аш-Шарим. — Кто-то, кто не должен был быть. Аура слабая, но явно не его. Чужая. И она ведёт на восток. Восточное крыло, где живут москвичи».

— Нина Павловна, — Виктор обернулся. — Я бы рекомендовал никого не пускать в номер до приезда милиции.

— Мальцев, вы в отпуске, — Нина Павловна посмотрела на него. — И это не наше дело.

— Это не наше дело, пока. Но если это убийство, а не сердечный приступ, то очень скоро это станет нашим делом. И вам, и мне, и Селивановой. Поверьте, моему опыту.

Нина Павловна помолчала. Потом кивнула:

— Хорошо. Тамара, закройте номер. Ключ — мне. Никого не пускать.

Тамара кивнула, прикрыла дверь, повернула ключ. Юля поднялась по лестнице, ведя под руку Марьям, которая уже могла идти, хотя и дрожала. Марьям, увидев Нину Павловну, всхлипнула:

— Нина Павловна, я... я зашла, чтобы убрать, как обычно... а он... он...

— Тише, тише, — Нина Павловна обняла её. — Иди с Тамарой. Иди. Тебе надо полежать.

Тамара увела Марьям. Юля, проводив их взглядом, повернулась к Виктору:

— Витя, — она посмотрела на него. — Что там?

— Прохоров, — Виктор покачал головой. — Мёртв.

— Сердечный приступ?

— Возможно. Но есть несколько мелочей, которые мне не нравятся.

— Каких?

— Потом расскажу. Сейчас — позвони в милицию. Скажи, что в ведомственном санатории умер отдыхающий, нужен следователь и эксперт. Скажи также, что есть признаки, подозрительные на насильственную смерть.

— Я не имею права... — Юля начала.

— Юль, — Виктор посмотрел ей в глаза. — Ты — старший лейтенант следствия прокуратуры. Ты имеешь право на всё. Особенно — на звонок в милицию.

Юля кивнула и пошла к телефону-автомату в холле. Нина Павловна, проводив её взглядом, повернулась к Виктору:

— Мальцев, я понимаю, что вы опер. Но я бы попросила вас... не лезть.

— Нина Павловна, — Виктор посмотрел на неё. — Если это естественная смерть — я не полез. Если нет — я полез, и вы меня не остановите, потому что вы понимаете, что я прав.

— Ладно, — Нина Павловна вздохнула. — Ладно. Идите. Я буду в кабинете.

Милиция Судака приехала через два часа. Старший наряда — капитан Жбанников, грузный, потный, ленивый на вид, но не глупый мужик, в мятой форме, с папкой под мышкой, осмотрел номер, опросил Нину Павловну, Марьям и Тамару, и постановил, что смерть, судя по всему, наступила от сердечного приступа — у Прохорова и раньше было больное сердце, и в карточке, которую ему передал Векслер, значилось «ишемическая болезнь сердца, гипертония второй стадии». Эксперта вызвали из Феодосии, но это было дело формальное, и Жбанников, который явно не хотел возиться с делом в такую жару, был намерен закрыть его к вечеру.

Юля, которая к этому моменту уже успела взять себя в руки, подошла к Жбанникову и показала удостоверение. Жбанников, увидев прокурорские корочки, поднял бровь, и в его взгляде мелькнула та особенная усталость, какая бывает у местных следователей, когда в их дела вмешиваются приезжие.

— Старший лейтенант Селиванова, следствие прокуратуры города Кубинска, — сказала Юля ровным голосом. — Я бы попросила вас провести экспертизу на предмет отравления.

— Зачем? — Жбанников поднял бровь. — Человек умер от сердечного приступа. У него и раньше было больное сердце.

— Тем не менее, я бы попросила. Есть обстоятельства, которые меня смущают.

— Какие обстоятельства?

— Перевернутый стакан на полу. Нетронутый пузырёк нитроглицерина. След пепла на подоконнике, хотя покойный не курил. И — пустая бутылка «Муската» на столе, при том, что Прохоров, по свидетельству метрдотеля, пил только водку.

Жбанников помолчал. Потом пожал плечами:

— Ладно. Экспертизу назначим. Но я вас предупреждаю: это формальность. Сердечный приступ есть сердечный приступ. Человек был старый, больной, пил, нервничал. Я видел десятки таких. И всё.

— Спасибо, — Юля кивнула. — Я понимаю.

Пока Юля разговаривала с Жбанниковым, Виктор тихо обошёл номер. Аш-Шарим активировал Путеводную Нить, привязав её к ауре, которая осталась на перевернутом стакане. Нить потянулась из номера в коридор, и вела на восток — в восточное крыло, где жили москвичи.

«Восточное крыло, — подумал Виктор. — Где живут москвичи. Где живёт Лужин. Где живёт Кондратьева. Где живёт Свечников».

— Аш, ты можешь определить, чья именно аура?

«Нет, лейтенант. Слишком мало маны, слишком давно. Я могу только направление указать. Но направление — на восток. Этого достаточно».

— Этого достаточно.

Виктор вышел в коридор. Москвичи — Лужин, Кондратьева, Свечников — стояли у окна, негромко переговариваясь. Лужин, увидев Виктора, кивнул:

— Лейтенант, что скажете?

— Скажу, что дело не моё, — Виктор пожал плечами. — Местная милиция разбирается.

— И что они говорят?

— Сердечный приступ.

— Я так и думал, — Лужин помолчал. — Матвей был... больной человек. Сердце. Нервы. Война, знаете ли, оставляет следы. Он был в Афганистане, в восьмидесятом, при штабе армии. Потом — несколько лет в Анголе. Потом — пенсия, и... — Лужин махнул рукой. — Вот.

— Вы с ним воевали? — Виктор спросил это как бы между прочим, но в его голосе была та особенная нотка, какую оперы используют, когда хотят, чтобы собеседник проговорился.

— Нет, — Лужин покачал головой. — Я пришёл в систему позже. Но Матвей мне рассказывал. Он был в Афганистане, в штабе сороковой армии, и видел там такое, что не рассказывают за ужином. Потом Ангола и несколько лет в Москве, в центральном аппарате. Потом — пенсия, и... — Он снова махнул рукой. — Вот.

— Жаль, — Виктор кивнул. — Соболезную.

— Спасибо, — Лужин отвернулся.

Виктор и Юля вышли из санатория, пошли по аллее в парк. Было жарко, и от нагретых камней шёл густой запах, который обычно называют «запахом юга», но который на самом деле — смесь можжевельника, нагретого камня, нагретой хвои и моря, которое здесь, на склоне горы, было слышно, но не видно. Где-то вдалеке, на пляже, играла музыка — «Малиновый закат» из магнитофона, и кто-то смеялся, и Аш-Шарим в голове Виктора подумал, что жизнь идёт, даже когда кто-то умирает, и что это, наверное, правильно.

— Витя, что ты думаешь? — спросила Юля, когда они дошли до старого фонтана, в котором, как обычно, не было воды, а только сухие листья и какой-то мусор.

— Думаю, что это не сердечный приступ.

— А что?

— Убийство.

— Точно?

— Юль, я не могу сказать точно, пока не будет токсикологии. Но есть четыре мелочи, которые меня смущают. Перевернутый стакан — если человек хватается за сердце, он не роняет стакан, он роняет графин или хватается за грудь. Нетронутый нитроглицерин — если сердце прихватило, первое, что делает сердечник, это лезет в карман за нитроглицерином. Пепел на подоконнике — Прохоров не курил, а кто-то у него курил. И «Мускат» — Прохоров пил водку, а «Мускат» кто-то ему принёс. Четыре мелочи. И все указывают на то, что у Прохорова был гость.

— Аш-Шарим? — Юля нахмурилась. — Что он?

— Он говорит, что в номере есть чужая аура.

Юля помолчала. Потом спросила:

— Витя, ты мне наконец расскажешь, кто такой Аш-Шарим?

Виктор остановился. Повернулся к ней. Посмотрел в её голубые глаза, в которых в этот момент было что-то среднее между страхом, надеждой и усталостью.

— Юль, — он взял её за руки. — Я расскажу. Но не сейчас. Когда мы закроем это дело. Я обещаю.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Хорошо, — Юля кивнула. — Я подожду. Но учти, Витя: ты дал слово.

— Знаю.

Они постояли ещё минуту, держась за руки, и Аш-Шарим в голове Виктора промолчал, потому что даже он понимал: это не его момент.

Вернулись в санаторий к ужину. Москвичи сидели за своим столиком, и за их столом было одно пустое место — место Прохорова. Лужин, увидев Виктора и Юлю, поманил их к себе. Виктор подошёл, Юля — следом.

— Лейтенант, Селиванова, — он сказал негромко, но так, чтобы слышали все вокруг. — Я хочу поговорить с вами. После ужина. В моём номере.

— Слушаю.

— Дело в том, что Матвей был моим товарищем. Не близким, но товарищем. Я лично прослежу за ходом расследования, и, если понадобится, позвоню в Москву. Я бы хотел, чтобы вы, как коллеги, держали меня в курсе.

— Полковник Лужин, — Юлия посмотрела на него. — Дело — в юрисдикции местной милиции. Любые вмешательства должны быть согласованы с прокурором города.

— Я знаю, — Лужин усмехнулся. — Но вы же понимаете, как это работает. У меня связи. У меня друзья в генералитете. Я могу ускорить дело, могу замедлить, могу привлечь экспертов из Москвы.

— Понимаю, — Юлия кивнула. — Но связи — это не полномочия. Полномочия — у Жбанникова и у прокурора Судака. Пока они не передали дело в Москву, оно — местное.

Лужин посмотрел на неё долгим взглядом, в котором читалось нечто среднее между уважением и раздражением. Потом кивнул:

— Хорошо. Но если вы заметите что-то, что требует моего внимания — дайте знать.

— Дадим, — кивнул Виктор.

Лужин вернулся к своему столику. Кондратьева, наблюдавшая за разговором, сделала пометку в блокноте. Свечников, который в этот момент смотрел куда-то в сторону, бросил на Виктора быстрый, злой взгляд, который Виктор поймал и запомнил.

После ужина Виктор и Юлия поднялись в номер. Юлия, закрыв дверь, повернулась к Виктору:

— Витя, давай начнём сначала. Что у нас есть?

— У нас есть труп с признаками насильственной смерти, но без явных следов насилия. У нас есть перевёрнутый стакан, нетронутый нитроглицерин, пепел на подоконнике и пустая бутылка «Муската». У нас есть гость, который приходил к Прохорову вчера вечером и который, судя по ауре, был из восточного крыла. У нас есть четыре москвича, которые приехали в санаторий вместе и которые что-то друг от друга скрывают. И у нас есть Аш-Шарим, который говорит, что Прохоров не уехал и не уснул, а умер, и что кто-то ему в этом помог.

— Хорошо. С чего начнём?

— Начнём с горничной. Утром поговорим с Марьям.

— А ночью?

— А ночью я пойду в парк. Аш-Шарим говорит, что в парке кто-то копался. Я хочу посмотреть, что он там копал.

— Витя, это опасно.

— Юль, я опер. Я привык.

— Я знаю, что ты опер. Но ты в отпуске.

— Я в отпуске, пока не обнаруживаю труп. После — я на работе.

Юлия помолчала. Потом кивнула:

— Хорошо. Но я иду с тобой.

— Нет, — Виктор покачал головой. — Ты остаёшься здесь. Если кто-то полезет в номер — ты должна быть здесь. Если кто-то придёт к нам — ты скажешь, что я сплю.

— Витя...

— Юль, не спорь. Пожалуйста.

Юлия посмотрела на него. Потом вздохнула:

— Ладно. Но если через час не вернёшься — я иду искать.

— Договорились.

Ночью, когда Юлия заснула, Виктор тихо оделся, вышел на балкон, закурил. Было темно, луна пряталась за облаками, и только где-то вдалеке, на горизонте, мигал маяк, и слышен был шум моря, который в ночные часы становился тише, но глубже, как дыхание спящего великана. Парк внизу был чёрным, как чернила, и в нём, как обычно бывает в южных парках, шуршало

что-то — может быть, ящерицы, может быть, кошки, может быть, что-то ещё, чего лучше не знать.

«Готов?» — спросил Аш-Шарим.

— Готов.

«Тогда спускайся через балкон. По водосточной трубе. Я проверил — держит».

Виктор перелез через парапет балкона, ухватился за трубу, спустился. Труба была тёплой от жары и шершавой от ржавчины, и руки его скользили, но Аш-Шарим, который, кажется, умел управлять даже трением, помогал. Через минуту Виктор стоял на земле, в тени кустов, и прислушивался. Тишина. Только сверчки, только море, только где-то далеко, в городе, лаяла собака.

В парке было темно и тихо. Только сверчки стрекотали в траве, да где-то далеко, в городе, лаяла собака. Виктор шёл по аллее, стараясь ступать тихо, как учил дед Фёдор, — на носках, пяткой внутрь, и Аш-Шарим в его голове помогал, направляя каждый шаг, чтобы ни одна ветка не хрустнула, ни один камень не звякнул. Дойдя до старого фонтана, который в свете луны, иногда пробивавшейся сквозь облака, казался чёрным провалом в земле, Виктор остановился и прислушался.

У фонтана кто-то копался в земле. Виктор остановился за деревом, прислушался. Звук был тихий, но отчётливый: кто-то копал землю, маленькой лопаткой или совком, и при этом тяжело дышал, как человек, который торопится и который боится.

— Стой! — Виктор шагнул вперёд. — Милиция!

Фигура не стала ждать. Она бросила совок, которым копала, и метнулась в сторону, в кусты. Виктор рванул следом, и Аш-Шарим в его голове закричал:

«Вправо, лейтенант, вправо!»

Виктор метнулся вправо, но было поздно: фигура уже скрылась в чаще, и только треск веток говорил о том, куда она ушла. Виктор пробежал ещё метров десять, остановился, прислушался. Тишина. Фигура ушла, и Виктор, который понимал, что догнать её в темноте невозможно, вернулся к фонтану.

«Ушёл, лейтенант. Ушёл. Но кое-что он нам оставил».

Виктор вернулся к фонтану. В земле, рядом с ямкой, которую успел выкопать ночной гость, лежал свёрток — небольшой, в промасленной бумаге, перевязанный бечёвкой. Виктор поднял его, развернул. Внутри был пузырёк — маленький, из тёмного стекла, с притёртой пробкой, и в нём плескалась какая-то тёмная жидкость.

«Настойка наперстянки, — сказал Аш-Шарим. — Я узнаю этот запах за километр. В высоких дозах вызывает остановку сердца. Симптомы — те же, что при сердечном приступе. Особенно у человека с больным сердцем».

— Это улика, — Виктор спрятал свёрток в карман. — Это первая настоящая улика.

«Первая, но не последняя. Пошли, лейтенант. Утром поговорим с горничной».

Виктор вернулся в санаторий тем же путём, каким ушёл — через крышу веранды и балкон. Юля спала, и он, не включая свет, тихо лёг рядом, и Юля, не просыпаясь, повернулась, прижалась к нему, и Виктор почувствовал, как она вздохнула — коротко, счастливо, как вздыхают люди, которым хорошо.

«Лейтенант, я хочу, чтобы ты знал. Тот, кто копался в земле — не Лужин».

— Почему ты так думаешь?

«Я чувствовал его ауру. Это аура человека молодого, лет тридцати пяти, не старше. Лужину пятьдесят один. Это не он».

— Тогда кто?

«Не знаю. Но у меня есть подозрение».

— Какое?

«Свечников».

Виктор помолчал. Потом мысленно спросил:

— Почему Свечников?

«Потому что у Свечникова аура — нервная, суетливая, как у человека, который что-то скрывает и боится, что его раскроют. И потому что он молодой. И потому что он, как я видел в субботу на бильярде, тебя боится».

— Но Свечников — не убийца. Он бы не стал копать землю в одиночку. Кто-то его послал.

«Кто-то, у кого есть на него влияние. Кто-то, кто знает его слабость».

— Лужин.

«Лужин».

Виктор закрыл глаза. Сон не шёл. Юлия спала рядом, и её дыхание было ровным и спокойным, и Виктор подумал, что завтра будет день, который потребует от него всего, что у него есть, и ещё немного.

Утром вторника Виктор первым делом поговорил с Марьям. Горничная сидела в комнате отдыха, бледная, с заплаканными глазами, и рядом с ней сидела Тамара, которая держала её за руку и время от времени подносила к её носу ватку с нашатырём.

— Марьям, я знаю, что вам тяжело. Но мне нужно задать вам несколько вопросов. Это важно.

Марьям кивнула.

— Вчера вечером вы убирали номер подполковника Прохорова?

— Да, — Марьям тихо заговорила. — Я убирала, как обычно, в восемь вечера. Подполковник был в номере, один. Я помыла пол, вынесла мусор, и ушла. Он был... нормальный. Спокойный. Сказал мне «спасибо, Марьям», как всегда.

— А потом?

— Потом я ушла. Но... — Марьям замялась.

— Что?

— Через полчаса я проходила по коридору, и слышала голоса. Из номера.

— Чьи голоса?

— Подполковника и ещё одного мужчины. Я не разобрала слов, но слышала, что подполковник говорил тихо, а второй — громко, почти сердито. Как будто они спорили.

— Вы видели второго?

— Нет. Я только слышала голоса. Но я видела... — Марьям помолчала. — Я видела, как из номера вышел мужчина, минут через сорок. Я как раз шла по коридору, и он вышел из двести седьмого, и пошёл к лестнице. Я не видела его лица, потому что он шёл быстро, но я видела... — Она снова замолчала.

— Что вы видели?

— Я видела, что у него в руке был какой-то предмет. Маленький, блестящий. Может быть, ключи. Может быть, что-то другое.

— Марьям, вы не могли бы описать его подробнее? Цвет волос? Походку?

— Я не видела волос, у него была шляпа. Походка... быстрая, нервная. Как у человека, который торопится. И ещё — он был высокий. Выше меня. Но это, наверное, все.

Виктор кивнул. Описание подходило и Лужину, и Векслеру, и даже Свечникову, если натянуть. Но деталь про блестящий предмет, который второй держал в руке, была интересна. Ключи? Может быть. Но может быть — и пузырёк, в котором была наперстянка.

— Марьям, спасибо. Вы нам очень помогли.

Горничная кивнула и заплакала. Тамара обняла её, повела в медпункт. Виктор вышел в коридор, и Юлия, которая ждала его у окна, тихо спросила:

— Что?

— Гость вчера был. Высокий, худой, в шляпе. С блестящим предметом в руке. Описание подходит к Лужину, Векслеру, и даже к Свечникову, если натянуть.

— А к Прохорову? — Юля усмехнулась.

— К Прохорову не подходит, потому что Прохоров был в это время в номере. Но он подходит к каждому из москвичей. И к Векслеру, хотя Векслер ниже ростом.

— Что будем делать?

— Для начала — поговорим с дядей Гришей. Я заметил, что он вчера странно смотрел на Лужина. Может быть, он что-то знает.

Дядя Гриша сидел в малом зале столовой, перебирая какие-то бумаги. Виктор и Юля вошли, сели напротив. Дядя Гриша, увидев их, отложил бумаги, посмотрел на Виктора тем самым взглядом, который он использовал, когда хотел сказать что-то важное, но не решался.

— Дядя Гриша, — Виктор начал. — Я хочу спросить вас кое о чём.

— Спрашивай, дорогой, — дядя Гриша кивнул. — Если знаю — скажу.

— Вчера вечером подполковник Прохоров заказывал ужин в номер?

— Заказывал, — дядя Гриша помолчал. — И не один. На двоих.

— Что было в меню?

— Буженина, отварной картофель, соленья, бутылка «Муската».

— «Мускат»? — Виктор поднял бровь. — Прохоров, по моим сведениям, пил только водку.

— Водку, — дядя Гриша кивнул. — Всегда водку. Я сам удивился, когда он заказал «Мускат». Но я не спрашиваю, дорогой, я подаю. У нас так принято.

— А кто был вторым?

— Этого я не знаю, дорогой. Я принёс поднос к номеру, постучал. Подполковник открыл дверь, взял поднос, сказал «спасибо, Григорий Ашотович», и закрыл дверь. Я не видел второго.

— Но вы слышали?

— Слышал, что разговаривают. Два мужских голоса. Один — подполковника, второй — не знаю, глухой, низкий.

— Дядя Гриша, — Виктор посмотрел ему в глаза. — Я вижу, что вы что-то знаете. Или подозреваете. Скажите.

Дядя Гриша помолчал. Потом вздохнул:

— Ладно, лейтенант. Скажу, потому что ты — опер, и потому что я тебе верю. Я знаю, кто вчера был у Прохорова.

— Кто?

— Полковник Лужин.

— Вы видели его?

— Нет, не видел. Но я знаю, что Лужин заказывал у меня два дня назад «Мускат» — такую же бутылку, что потом заказал Прохоров. Я ещё тогда подумал: странно, Лужин пьёт только коньяк, зачем ему «Мускат»? А теперь понимаю. Он не для себя покупал. Он для Прохорова покупал.

— Зачем?

— Этого я не знаю, дорогой. Но я тебе скажу вот что: Лужин и Прохоров раньше были в хороших отношениях. А последние дни — перестали. Я видел, как они встречались в коридоре, и Лужин отворачивался, а Прохоров смотрел ему вслед с таким выражением... — Дядя Гриша покачал головой. — Я такое выражение видел. Давно. В Ереване. Когда один человек знает про другого что-то такое, что может его посадить. И когда он готов это использовать.

Виктор кивнул. Дядя Гриша помолчал, потом добавил:

— Лейтенант, я тебе скажу ещё одну вещь. Я тебе её скажу, потому что ты опер, и потому что я знаю, что ты меня не выдашь. — Он понизил голос. — Я слышал, как Лужин разговаривал с Прохоровым в коридоре, дня три назад. Прохоров сказал: «Гена, я знаю про Цаплина. И ты

знаешь, что я знаю. Давай решим это по-хорошему». А Лужин ответил: «Матвей, не лезь. Я тебя прошу. Не лезь». И ушёл. А Прохоров стоял и смотрел ему вслед, и в его глазах было... — Дядя Гриша снова помолчал. — В его глазах было то, что я видел только один раз в жизни. У одного человека, который знал, что умрёт.

— Цаплин? — переспросил Виктор. — Что за Цаплин?

— Этого я не знаю, дорогой. Но если хочешь узнать — спроси в архиве прокуратуры Москвы. Там все дела хранятся. Или — спроси Кондратьеву. Она следователь, она должна знать.

Виктор кивнул. Юля, которая молчала всё это время, тихо спросила:

— Дядя Гриша, а почему вы нам это рассказываете? Вы ведь могли бы промолчать.

Дядя Гриша посмотрел на неё долгим взглядом, в котором была та особенная южная серьёзность, какую Виктор у него уже видел.

— Барышня, — сказал он. — Я работаю в этом санатории двенадцать лет. Я за эти двенадцать лет навиделся всякого. И я научился отличать хороших людей от плохих. Вы — хорошие. И лейтенант — хороший. А Лужин — плохой. Я это знаю. И я не хочу, чтобы плохой человек ушёл. — Он помолчал. — Я видел, как уходят плохие люди. Это, барышня, хуже, чем когда они приходят.

— Спасибо, дядя Гриша, — Виктор поднялся. — Мы это запомним.

Они вышли. Юля, помолчав, сказала:

— Витя, дядя Гриша — кладёшь. Ты был прав, что подошёл к нему.

— Я не подошёл к нему. Он сам подошёл ко мне, вчера, в коридоре. Я только что понял это. Он ждал, что я спрошу.

— Он тебя направил на Цаплина?

— Да. И это значит, что он знает больше, чем говорит.

— Но почему он не сказал всё сразу?

— Потому что он умный. Он знает, что, если он скажет всё сразу — мы пойдём к Лужину, и Лужин поймёт, что это дядя Гриша рассказал. А так — мы пойдём своим ходом, и дядя Гриша останется в стороне.

— Хитрый армянин.

— Не хитрый, — Виктор покачал головой. — Осторожный. Это разные вещи. И, кроме того, — он мне доверяет. А доверие — это, Юль, вещь, которую не купишь.

После разговора с дядей Гришей Виктор и Юля пошли к садовнику деду Фёдору, который подрезал кусты роз у входа в парк. Дед Фёдор, в старой солдатской гимнастёрке, в кепке-аэродроме, сидел на скамеечке, курил, и смотрел на свои розы с тем особенным выражением, какое бывает у людей, которые любят то, что делают.

— Здорово, опер. Здорово, барышня.

— Здорово, дед Фёдор, — Виктор кивнул. — Спросить хочу.

— Спрашивай. Язык — он для того, чтобы спрашивать и отвечать.

— Вчера ночью ты что-нибудь слышал?

— Слышал, — дед Фёдор помолчал. — Шаги слышал. По гравию. Часа в два ночи, может, в половине третьего.

— Куда шли?

— С восточного крыла в парк. А потом обратно.

— Один человек?

— Один.

— Ты не видел, кто?

— Не видел. Темно было. Но слышал, как он напевал.

— Напевал? — Виктор поднял бровь.

— Ага. Что-то военное, маршевое. «По долинам и по взгорьям», кажется. Или «Прощание славянки». Я не разобрал, но маршевое.

— Дед Фёдор, а ты не помнишь, кто из москвичей обычно поёт?

— Помню, — дед Фёдор усмехнулся. — Лужин. Когда выпьет, любит маршевые песни петь. Я его три раза слышал. Один раз — в день приезда, когда он вечером гулял по парку. Второй раз — в субботу, после бильярда. И третий раз — вчера. Я сначала подумал, что он просто гуляет, как обычно. Но потом услышал, что он идёт не один раз, а два — туда и обратно. И что между двумя разами он, как будто, останавливался у фонтана. — Дед Фёдор помолчал. — Я, конечно, не уверен. Но если бы меня спросили, я бы сказал, что это был Лужин.

— Спасибо, дед Фёдор.

— Не за что, опер. Иди с богом.

Виктор и Юля отошли. Юля, помолчав, сказала:

— Витя, это уже не косвенное. Лужин пел, шагая из восточного крыла в парк.

— Это косвенное, Юль. Но косвенное очень серьёзное. И в сочетании с тем, что сказал дядя Гриша, — это уже не косвенное, это — почти прямое.

— Что дальше?

— Дальше — ночью я иду в морг.

— Витя...

— Юль, это нужно. Аш-Шарим может считать остаточную ауру со стакана, который изъяли из номера. Если мы увидим личность убийцы — мы будем знать, на кого давить.

— Но это не доказательство. В суде не примут.

— Знаю. Но это будет ориентир. Мы будем знать, кто наш главный подозреваемый. И мы будем знать, как его брать.

— Ладно, — Юля вздохнула. — Только будь осторожен.

— Я всегда осторожен.

— Ты никогда не осторожен. Ты просто удачлив.

— Тогда я буду удачлив. И осторожен. И то, и другое.

В эту ночь Виктор опять вышел из номера тайно. Спустился по лестнице, вышел через боковой вход, обошёл санаторий, и подошёл к моргу, который был в небольшом отдельном строении, в стороне от главного корпуса, у самого парка. Дверь была заперта, но Аш-Шарим, который, как выяснилось, умел управлять замками, помог. Через минуту Виктор был внутри.

В морге было темно и холодно. Тело Прохорова лежало на столе, накрытое простынёй. На отдельном столике — изъятые из номера предметы: стакан, графин, бутылка из-под «Муската», пузырёк нитроглицерина. Виктор подошёл, положил руку на стакан, активировал ментальное сканирование. Образы пришли — смутные, как старая киноплёнка, но различимые. Лицо. Лицо человека, который держал этот стакан в руке, который наливал в него вино, который подсовывал его Прохорову. Лицо — Лужина.

Виктор отнял руку, бледный, потный. Аш-Шарим тяжело дышал в его голове:

«Это не доказательство, Виктор. В суде это не примут. Но теперь мы знаем точно».

— Знаю, — мысленно ответил Виктор. — Лужин.

«Лужин».

Виктор постоял ещё минуту, потом тихо вышел из морга, закрыл дверь, вернулся тем же путём. Юля не спала, ждала его, и когда он вошёл, она молча встала, обняла его, и Виктор почувствовал, что она дрожит.

— Лужин? — спросила она.

— Лужин.

— Что теперь?

— Теперь мы ищем мотив. Дядя Гриша сказал про Цаплина. Это дело, в котором замешаны и Лужин, и Прохоров. Нужно узнать, что это за дело.

— Я могу позвонить в прокуратуру Москвы, — Юля сказала. — Но, может быть, проще — съездить в Феодосию. Там областная прокуратура, у меня есть знакомая, Лариса Петровна, она работала в Москве, она может помочь.

— Съезди, — кивнул Виктор. — А я пока пороюсь в библиотеке. Может, что-нибудь найду в подшивках газет.

Утром среды Юля уехала в Феодосию на «копейке», а Виктор пошёл в библиотеку. Библиотекарь, пожилая женщина в очках, с серебряной цепочкой на лбу, которая держала очки, посмотрела на него поверх очков:

— Молодой человек, вам что?

— Подшивки газет за семьдесят девятый — восемьдесят первый год. «Известия», «Правда», «Социалистическая индустрия».

— Сейчас посмотрю, — библиотекарь скрылась за стеллажами, и через минуту вынесла несколько толстых папок с подшивками. — Вот. Но учтите, газеты за те годы у нас не все. Некоторые потерялись.

Виктор сел в кресло, раскрыл первую папку, начал листать. Через час, когда у него уже болели глаза от мелкого шрифта и пожелтевшей бумаги, он нашёл то, что искал. Заметка в «Известиях» от семнадцатого марта тысяча девятьсот восьмидесятого года, на третьей полосе:

«В Москве завершено расследование уголовного дела инженера оборонного завода Цаплина Е. П., обвиняемого в хищении социалистической собственности в особо крупных размерах. Следствием установлено, что Цаплин Е. П., занимая должность начальника цеха, в течение трёх лет организовал хищение цветных металлов и комплектующих на сумму более ста тысяч рублей. Расследование велось оперативными сотрудниками МУРа Лужиным Г. П. и Прохоровым М. И. Цаплин Е. П. приговорён к десяти годам лишения имущества. Реабилитирован посмертно».

Виктор перечитал заметку дважды. Потом откинулся на спинку кресла, закрыл глаза. Аш-Шарим в его голове тихо произнёс:

«Кондратьева. Она вела дело Цаплина. Она — здесь, в санатории. Она — одна из москвичей».

— Это значит, что Кондратьева тоже замешана?

«Не обязательно. Но это значит, что она знает больше, чем показывает. Она знает, кто был осуждён, кто был оправдан, и кто на самом деле виновен. Если Цаплин реабилитирован посмертно — значит, он был невиновен. А если он был невиновен — значит, кто-то подставил его. И этот кто-то — или Лужин, или Прохоров, или оба».

Виктор открыл глаза. Библиотекарша, пожилая женщина в очках, посмотрела на него поверх очков:

— Молодой человек, вы что-то нашли?

— Да, — Виктор кивнул. — Я нашёл то, что искал.

Он поблагодарил библиотекаря, вышел. Юля вернулась к вечеру, с папкой, в которой были копии дела Цаплина. Она была бледная, потому что, как выяснилось, ей пришлось не только запросить дело, но и съездить к вдове Цаплина, которая жила в Феодосии, и которая рассказала ей такое, от чего у Юли, привычной к трупам и бандитам, не выходило из головы уже несколько часов.

— Витя, — она села на кровать, положила папку на тумбочку. — Я нашла.

— Что?

— Дело Цаплина. Лужин и Прохоров были оперативниками, которые вели дело. Они выбили из Цаплина признательные показания — били, не давали спать, угрожали семье. Цаплин не выдержал и подписал. Он умер в колонии через два года, от туберкулёза. — Юля помолчала. — А два года назад прокуратура Москвы пересмотрела дело, и выяснилось, что Цаплин был невиновен. Настоящие виновники — пятеро сотрудников МВД, в том числе и двое опе-

ров, которые вели дело, то есть Лужин и Прохоров. Но срок давности по этому делу уже истёк, и дело закрыли.

— И Прохоров начал шантажировать Лужина?

— Да. Прохоров, после выхода на пенсию, остался без денег, без семьи, без будущего. И он вспомнил про дело Цаплина. И он начал шантажировать Лужина — «плати, или я расскажу». Лужин платил. Но Прохорову было мало. И в этом отпуске он решил поговорить с Лужиным ещё раз. И Лужин решил, что хватит.

— Откуда ты всё это знаешь?

— Вдова Цаплина. Она получила письмо от Прохорова неделю назад. Прохоров писал, что знает, кто настоящий виновник, и что он собирается «дожать» Лужина в этом отпуске, чтобы тот заплатил им обоим — и вдове, и ему. Вдова мне это письмо показала.

Виктор встал, подошёл к окну. За окном садилось солнце, и Генуэзская крепость, освещённая закатным светом, казалась нереальной, как декорация к историческому фильму. Внизу, на набережной, играла музыка — лёгкий, чуть хрипловатый мотив из переносной колонки смешивался с шумом прибоя и смехом отдыхающих.

«Лейтенант, теперь у нас есть мотив. Лужин боялся разоблачения. Прохоров шантажировал. Лужин убил. Это полная цепочка».

— Но нет прямых улик, — мысленно ответил Виктор. — У нас есть косвенные: ночное пение, пузырьёк в парке, ужин на двоих, признание дяди Гриши. Но нет прямых. Пузырёк с наперстянкой — не доказательство, потому что мы не можем сказать, откуда он. Магическое сканирование — не доказательство, потому что магия в суде не котируется. И признание дяди Гриши — не доказательство, потому что дядя Гриша не может свидетельствовать против Лужина, не подставив себя.

«Тогда нужно, чтобы Лужин сам признался».

— Как?

«Устроить ловушку. Дать ему понять, что у нас есть улики, и заставить его прийти к нам. Или — заставить его сделать что-то, что его выдаст».

— Юль, — Виктор повернулся. — У меня есть идея.

— Какая?

— Ловушка. Мы через дядю Гришу передаём Лужину, что у нас есть компромат на него. Что мы знаем про Цаплина, про шантаж, про наперстянку. И что мы готовы передать материалы в прокуратуру. И что мы готовы встретиться с ним, чтобы поговорить, в Генуэзской крепости, в башне Кыз-Кула, в десять вечера. И он придёт, потому что ему некуда деваться.

— Витя, это опасно.

— Я знаю. Но у нас нет выбора. Прямых улик нет, и, если мы пойдём к Жбанникову с тем, что есть, он просто посмеётся. А если мы устроим ловушку — Лужин сам себя выдаст.

— А если Лужин тебя убьёт?

— Не убьёт. У меня есть Аш-Шарим.

— Витя...

— Юль, — Виктор подошёл к ней, обнял. — Доверься мне. Пожалуйста.

Юля помолчала. Потом кивнула:

— Ладно. Но я буду рядом. Я спрячусь у подножия крепости, в машине, с включённым двигателем. И, если что-то пойдёт не так — я вызову милицию. И — я возьму пистолет.

— Ты взяла пистолет? — Виктор удивился.

— Я — следователь прокуратуры. Я всегда беру пистолет, когда еду в отпуск. Это, Витя, не вопрос. Вопрос — в другом.

— В каком?

— В том, что ты мне не рассказываешь. О Аш-Шариме. О том, кто он, и что он может. Я не могу тебе помогать, если не знаю, на что он способен.

Виктор помолчал. Потом сказал:

— Юль, я расскажу. После ловушки. Обещаю.

— Ты уже обещал.

— Знаю. И сдержу. Но после ловушки.

Юля посмотрела на него. Потом кивнула:

— Ладно. После ловушки.

Ловушку они готовили весь следующий день. Юля через дядю Гришу передала Лужину записку: «Полковник Лужин. У меня есть материалы, компрометирующие вас по делу Цаплина Е. П. Я готова передать их в прокуратуру, но прежде хочу поговорить с вами. Сегодня, 22:00, башня Кыз-Кула, Генуэзская крепость. Селиванова». Дядя Гриша, передавая записку, был невозмутим, как будто передавал приглашение на ужин.

— Товарищ полковник, барышня просила передать. Лично.

Лужин взял записку, прочитал, кивнул. Больше ничего не сказал. Дядя Гриша, вернувшись, доложил Виктору:

— Прочитал. Спрятал в карман. Улыбнулся.

— Улыбнулся?

— Улыбнулся. Знающей такой улыбкой. Я его знаю, лейтенант. Он понял, что его зовут на разговор. И он пойдёт. Потому что ему некуда деваться.

В пять вечера Виктор и Юля выехали из санатория. Юля осталась у подножия крепости, в машине, с включённым двигателем. Виктор, который взял с собой фляжку-амулет с ртутью и нож, поднялся по каменным ступеням к башне Кыз-Кула.

В башне было темно. Виктор встал в тени, у входа, и стал ждать. Ждал недолго. Через десять минут послышались шаги — тяжёлые, уверенные, — и в проёме двери появился силуэт. Лужин.

— Селиванова? — голос Лужина был ровным, деловым. — Вы здесь?

— Селиванова внизу, в машине, — Виктор вышел из тени. — А я — Мальцев. Здравствуйте, полковник.

Лужин остановился. В руке его был пистолет — табельный, Макаров. Лужин направил его на Виктора, и в его глазах, обычно холодных и контролируемых, мелькнуло что-то — может быть, страх, может быть, ярость, может быть, и то, и другое.

— Лейтенант, — Лужин усмехнулся. — А я думал, ты умнее.

— Я достаточно умён, чтобы понять, что вы убили Прохорова, — Виктор говорил спокойно, и Аш-Шарим в его голове тихо добавил: «И достаточно глуп, чтобы стоять перед человеком с пистолетом». — Я знаю про Цаплина. Знаю про шантаж. Знаю про наперстянку. Знаю, что вы заказали у дяди Гриши «Мускат» два дня назад, ту же бутылку, которую потом заказал Прохоров. Знаю, что вы приходили к Прохорову вчера вечером. Знаю, что вы пели «По долинам и по взгорьям», когда шли из его номера в парк, чтобы закопать пузырьёк. И знаю, что Свечников, которого вы послали копать, не нашёл пузырьёк, потому что я его нашёл первым.

— Откуда ты знаешь? — Лужин нахмурился.

— Это не важно. Важно то, что я знаю.

Лужин помолчал. Потом усмехнулся:

— Ладно, лейтенант. Ты знаешь. И что? Ты думаешь, ты можешь меня сдать? У меня связи. У меня друзья в генералитете. Меня не тронут. А тебя, лейтенант, если полезешь не в своё дело, раздавят.

— Может быть, — Виктор кивнул. — Но прежде, чем меня раздавят, я успею передать материалы в прокуратуру. И тогда тебя, полковник, раздавят тоже. И твои друзья в генералитете тебе не помогут, потому что дело Цаплина — это не просто убийство. Это ещё и реабилитация. И тут уже Москва не спрячет.

— Ты не успеешь, — Лужин поднял пистолет. — Потому что ты не выйдешь из этой башни.

Виктор стоял неподвижно. Аш-Шарим в его голове активировал Ледяную стрелу. Влага из воздуха начала концентрироваться между его пальцами, и через секунду в его руке, вытянутой вперёд, была стрела — прозрачная, невесомая, хищная, как игла из льда.

— Полковник, — Виктор сказал тихо. — Опустите пистолет. У вас есть шанс сдаться. Если сдадитесь — дело будет судом, а не расстрелом. Если нет — будет плохо.

— У меня нет шанса, — Лужин покачал головой. — И у тебя нет тоже.

Он нажал на курок. В этот момент Виктор отпрыгнул влево, и Аш-Шарим, видевший траекторию на долю секунды раньше, чем пуля покинула ствол, направил его тело так, чтобы пуля прошла мимо. Грохот выстрела гулким эхом отразился от стен башни, и где-то вдалеке, внизу, мигнули фары — это Юля, услышавшая выстрел, начала сигналить.

Виктор вытянул руку. Стрела — прозрачная, невесомая, хищная — метнулась к Лужину и пробила его запястье. Рука, державшая пистолет, разжалась, и пистолет упал на каменный пол с тихим звоном. Лужин, побледневший от боли, схватился за руку, и в его глазах, обычно холодных, было теперь нечто, чего Виктор не видел никогда, — ужас. Настоящий ужас человека, который столкнулся с чем-то, чего не может объяснить.

— Что... что это? — прошептал он.

— Лёд, — Виктор ответил ровно. — Просто лёд.

Он подошёл, поднял пистолет, спрятал в карман. Лужин, который сидел на полу, держа почерневшую руку, смотрел на него с ненавистью.

— Ты не лейтенант. Ты — кто?

Виктор молчал. Аш-Шарим в его голове тихо произнёс:

«Наконец-то хоть один догадался. Впрочем, он не расскажет».

— Пойдёмте, полковник, — Виктор сказал ровно. — Игра окончена. Там вас ждут.

Внизу, у подножия крепости, мигали фары — это местная милиция, вызванная Юлей заранее. Виктор подошёл к Лужину, помог ему подняться. Лужин, который был бледен и тяжело дышал, посмотрел на него:

— Мальцев, — он сказал. — Я тебя не понимаю. Ты — лейтенант. Ты — провинция. Откуда у тебя... это?

— Это, полковник, — Виктор ответил, — моё личное дело.

Лужин поднялся. Они вышли из башни. Солнце уже село, и небо было тёмно-фиолетовым, и в нём загорелись первые звёзды, и Генуэзская крепость, чёрным силуэтом выступающая на фоне тёмного неба, казалась нереальной, как декорация к историческому фильму. У подножия крепости стояли две машины — «копейка» Виктора и Юли, и «Волга» местной милиции.

— Мальцев, — Жбанников, который подошёл к ним, посмотрел на Лужина, на его руку, на Виктора. — Я, конечно, извиняюсь. Но как вы его...

— Длинная история, капитан, — Виктор устало улыбнулся. — Когда-нибудь расскажу.

— Хорошо, — Жбанников кивнул. — Я оформлю. Идите отдыхать.

Виктор и Юля спустились к «копейке». Юля обняла его, прижалась, и Виктор почувствовал, что она дрожит.

— Витя, — прошептала она. — Я так боялась.

— Я тоже, — Виктор тихо ответил. — Но всё кончилось.

— Кончилось?

— Почти, — Виктор посмотрел на башню Кыз-Кула, чёрным силуэтом выступающую на фоне тёмного неба. — Почти.

После ареста Лужина прошло три дня, в течение которых Виктор и Юля формально не имели статуса в местном следствии, но фактически работали как консультанты, потому что Жбанников, который после ночи в крепости понял, что Виктор — не просто лейтенант, а нечто

большее, обратился к ним с просьбой помочь оформить дело. Юля, которая была строже Виктора в юридических вопросах, настояла на том, чтобы все их показания были даны под протокол, и чтобы каждый допрос фиксировался в журнале, который Жбанников, по её настоянию, завёл в первый же день.

Допросы проводились в кабинете Нины Павловны, которая любезно уступила его на время следствия. Кабинет был небольшой, с окном на парк, со столом, заваленным бумагами, и с портретом Дзержинского на стене, который смотрел на всех с тем особенным выражением, какое бывает у портретов людей, давно умерших и потому особенно принципиальных. Жбанников сидел за столом, в расстёгнутой форме — жара стояла невыносимая, и кондиционера в кабинете не было, только вентилятор, который гудел, как старый трактор, и разгонял тёплый воздух из одного угла в другой. Виктор и Юля сидели сбоку, на стульях, которые им принесли из столовой.

Первым допрашивали Свечникова. Он пришёл утром, бледный, с красными глазами, в мятой рубашке, и сел на стул, который ему указали, и Мальцев, глядя на него, подумал, что этот человек, который ещё неделю назад играл в бильярд и пытался блистать перед Юлей, теперь выглядит как человек, который не спал трое суток.

— Капитан Свечников, — Жбанников поднял на него глаза. — Расскажите всё, что вы знаете о смерти подполковника Прохорова.

— Я... — Свечников сглотнул. — Я не убивал.

— Этого мы пока не знаем, — Жбанников кивнул. — Расскажите, что вы знаете. С самого начала.

— С самого начала, — Свечников помолчал. — Лужин мне позвонил. Третьего августа. Сказал, что Прохоров «копает» под него, и что Прохоров знает про какое-то старое дело, и что если Прохоров не замолчит, то Лужин сядет, и я сяду, потому что я, оказывается, тоже замешан. Я не замешан! Я не знал, что дело было фальсифицировано. Я узнал только год назад, когда прокуратура Москвы пересмотрела дело Цаплина. И тогда же Лужин мне сказал: «Артём, если будет расследование, мы все сядем. Так что давай помогай». — Свечников сглотнул. — Я не хотел помогать. Но Лужин сказал, что, если я не помогу, он расскажет про одну мою историю. — Он замолчал.

— Про какую историю? — Виктор спросил.

Свечников посмотрел на него, потом на Юлю, потом на Жбанникова. Потом опустил голову.

— Я... в восемьдесят восьмом году был в командировке в Тбилиси. И там... там был один случай, когда я, будучи пьяным, сбил человека на машине. Насмерть. Лужин это прикрыл — он тогда был майором, и у него были связи в грузинском МВД. Он закрыл дело, записав как «наезд неизвестного водителя». И с тех пор я у него на крючке.

Виктор кивнул. Юля, которая записывала, пометила что-то в журнале.

— И что было дальше?

— Лужин позвонил мне третьего июля. Сказал, что Прохоров шантажирует его, и что он, Лужин, «решит вопрос». Я спросил: «Как?» Он ответил: «Не твоего ума дело. Но ты будешь нужен, чтобы спрятать одну вещь». Я спросил: «Какую вещь?» Он ответил: «Пузырёк». Я понял, что он собирается его убить. Но я не поверил. Я думал, что он пугает.

— Но вы всё-таки помогли, — Виктор сказал.

— Да, — Свечников кивнул. — В ночь, когда Прохоров умер, Лужин позвонил мне в номер. Сказал: «Артём, иди ко мне возьми пузырёк. Выкопай ямку, спрячь его». Я пошёл. Выкопал ямку, спрятал пузырёк. И ушёл. Я не знал, что в пузырьке наперстянка. Я думал, что это просто бутылёк из-под лекарства, которое Лужин давал Прохорову. Я не знал, что Прохоров уже мёртв.

— Но вы догадывались, — Юля сказала.

— Да, — Свечников кивнул. — Я догадывался. И поэтому я не пошёл к Прохорову в номер. Я побоялся. — Он закрыл лицо руками. — Я трус. Я знаю. Но я не убийца.

— Вы не убийца, — Жбанников кивнул. — Но вы — соучастник. И вам это, капитан, ещё припомнят.

Свечников молчал. Потом встал, кивнул, и вышел из кабинета. Юля, глядя ему вслед, тихо сказала:

— Бедный дурак.

— Бедный дурак, который человека помог спрятать, — Виктор покачал головой. — Ему за это светит.

— Светит, — Жбанников кивнул. — Но не расстрел. Это уже хорошо. Для него.

Второй допрашивали Кондратьеву. Она пришла после обеда, в строгом сером платье, с блокнотом в руке, и села на стул с той особенной прямой осанкой, какая бывает у людей, которые привыкли сидеть на допросах, но с другой стороны. Виктор, глядя на неё, подумал, что она — самый сложный из всех, потому что она — следователь, и она знает, как работают следователи, и она знает, что говорить, а что — нет.

— Майор Кондратьева, — Жбанников начал. — Расскажите всё, что вы знаете.

— Я знаю немного, — Кондратьева сказала ровным голосом. — Но я готова рассказать.

— Начнём с дела Цаплина. Вы вели это дело.

— Я вела. В семьдесят восьмом году. Я была молодым следователем, только что назначенным. Дело было передано мне от моего начальника, который, как я потом поняла, был в доле. — Она помолчала. — Я не знала, что Цаплин невиновен. Я видела признательные показания, которые, как мне сказали, были даны добровольно. Я видела улики, которые, как мне сказали, были найдены при обыске. Я верила. Я была молодой, глупой, и я верила.

— А потом?

— А потом, через два года, я узнала, что Цаплин умер в колонии. И я начала сомневаться. И я начала искать. И в восемьдесят седьмом году я нашла — нашла доказательства, что показания были выбиты, что улики были подброшены, и что настоящими виновниками были Лужин и Прохоров. — Она снова помолчала. — Я подала рапорт. Мне сказали: «Ира, не лезь. Это дело закрыто». Я не послушала. Я подала ещё один. И мне сказали: «Ира, если ты не замолчишь, мы тебя уволим». Я замолчала. — Она посмотрела на Юлю. — Я знаю, что это позор. Я знаю, что я должна была идти до конца. Но у меня семья. Дети. И я испугалась.

— И вы приехали в этот санаторий, — Виктор сказал.

— Да. Лужин пригласил. Он сказал: «Ира, поехали отдохнём. Поговорим». Я поняла, что он хочет поговорить про Прохорова. Прохоров в последний месяц стал нервным, пуганым, и Лужин это заметил. И Лужин боялся, что Прохоров «расколется». — Она помолчала. — Я не знала, что он собирается его убить. Я думала, что он хочет с ним поговорить, как-то уладить. Я не думала, что он пойдёт на убийство.

— Но вы что-то заподозрили, — Юля сказала.

— Да. Когда Прохоров не вышел к завтраку в понедельник, я поняла, что что-то не так. Лужин был спокоен, слишком спокоен. И я решила наблюдать. — Кондратьева помолчала. — Я не вмешалась, потому что боялась. Боялась, что Лужин и меня уберёт. Боялась, что, если я пойду к Жбанникову, Лужин это узнает, и тогда мне конец. Я — трусиха. Я знаю. Но я хоть наблюдала.

— Что вы заметили?

— Я заметила, что Свечников в ночь гибели Прохорова выходил из санатория. Я видела его из окна — я не спала. Я заметила, что Лужин в ту ночь тоже выходил — я слышала, как он прошёл по коридору. Я заметила, что дядя Гриша что-то знает, но молчит. И я заметила, что вы, — она кивнула Виктору, — что-то знаете. Но я не могла понять, что именно.

— И вы записывали, — Юля сказала. — В блокноте.

— Да. Я записывала. На всякий случай. Если бы Лужин попытался уйти, я бы передала блокнот следствию. Я готова это сделать сейчас. — Она достала из сумки блокнот, положила на стол. — Здесь — всё. Даты, время, кто куда выходил, кто что говорил. Если это поможет — берите.

Жбанников взял блокнот, полистал, кивнул:

— Спасибо, Ирина Витальевна. Это поможет.

— Я понимаю, что мне грозит, — Кондратьева сказала. — Я — следователь, который знал и молчал. Но я надеюсь, что суд учтёт, что я, в конце концов, помогла.

— Учтёт, — Жбанников кивнул. — Идите. Вы нам очень помогли.

Кондратьева встала, кивнула, и вышла. Юля, глядя ей вслед, тихо сказала:

— Витя, она — не злодейка. Она — жертва. Лужин её использовал.

— Она и жертва, и соучастница, — Виктор покачал головой. — Но я её понимаю. Она испугалась. Это — человеческое.

«Хорошо сказано, лейтенант, — произнёс Аш-Шарим. — Я бы на твоём месте тоже её понял. Маг пятого круга, который в моём мире поступил так же, как она, получил бы смертный приговор. Но я не в моём мире. Здесь — другие правила».

— Слава богу, — мысленно ответил Виктор.

В тот же день, ближе к вечеру, Виктор и Юля съездили в Феодосию, к вдове Цаплина — Екатерине Петровне Цаплиной, которая жила в маленьком домике на окраине города, в тупике, заросшем мальвами и диким виноградом. Домик был старый, одноэтажный, с покосившимися ставнями и с палисадником, в котором росли розы, пионы и георгины, и в котором пахло так, как пахнет только в старых феодосийских дворах, — нагретой землёй, цветами, и чем-то ещё, чему нет названия, но что узнают все, кто вырос на юге.

Екатерина Петровна встретила их на крыльце — маленькая, седая, в чёрном платье, с лицом, на котором уже давно не было слёз, потому что слёзы, как выяснилось, высыхают, если плакать достаточно долго. Она провела их в дом, в комнату, где на стенах висели фотографии — Цаплин молодой, Цаплин с детьми, Цаплин на работе, Цаплин в колонии, исхудавший, с ввалившимися глазами. На столе, под стеклянным колпаком, стоял букет искусственных цветов — тех, что в России принято ставить на могилы.

— Садитесь, — Екатерина Петровна сказала тихо. — Чай будете?

— Спасибо, — Юля кивнула. — Если можно.

Екатерина Петровна пошла на кухню, и через минуту вернулась с подносом, на котором стояли стаканы с чаем, вазочка с вареньем из инжира и тарелка с печеньем. Она села, посмотрела на Виктора и Юлю, и в её взгляде, обычно ничего не выражающем, мелькнула тень надежды.

— Вы — из милиции?

— Я — следователь прокуратуры, — Юля сказала. — А это — Виктор Павлович Мальцев, опер. Мы приехали в Судак в отпуск. И мы расследуем дело об убийстве подполковника Прохорова.

— Я знаю, — Екатерина Петровна кивнула. — Лариса Петровна мне звонила. Она сказала, что вы приедете.

— Тогда я буду краткой, — Юля сказала. — Мы знаем, что Лужин и Прохоров в семьдесят восьмом году фальсифицировали дело вашего мужа. Мы знаем, что Лужин убил Прохорова, потому что Прохоров начал его шантажировать. Лужин арестован. Мы хотели бы, чтобы вы дали показания. Расскажите всё, что знаете.

— Я знаю немного, — Екатерина Петровна сказала. — Но я расскажу.

Она помолчала, отпила чаю, и начала говорить. Говорила она медленно, тихо, как люди, которые рассказывают историю, которую рассказывали уже много раз, и которые от этого рас-

сказа устали, но не могут не рассказывать, потому что, если перестанут — история умрёт вместе с ними.

— Евгений был хорошим человеком, — она начала. — Тихим, работающим. Он инженером был, на оборонном, начальником цеха. Зарплата хорошая, мы жили нормально. Двое детей, дочь и сын. Дочь замужем, в Киеве. Сын — в армии, в Германии. — Она помолчала. — В восемьдесят третьем году к нам пришли с обыском. Сказали, что Женя украл цветные металлы. Нашли у него в гараже — подбросили, я теперь понимаю, а тогда не понимала. Забрали его. — Екатерина Петровна снова помолчала. — Я его три месяца не видела. Когда увидела — он был другой. Худой, седой, руки трясутся. Сказал, что подписал признание, потому что не выдержал. Били. Не давали спать. Угрожали, что и меня заберут, и детей.

— А потом?

— А потом суд. Десять лет. Он умер в колонии, в восьмидесятом, от туберкулёза. Ему было сорок восемь. — Она помолчала. — Я получила его вещи. Ситцевую рубашку, которую я ему шила, и крестик, который он носил под рубашкой. Всё. Больше ничего. — Она вытерла глаза, но слёз не было. — Я плакала три года. Потом перестала. Потому что, если плакать дальше, можно сойти с ума. А у меня дети. Я должна была жить.

— И вы добились пересмотра дела, — Юлия сказала.

— Да. Я писала во все инстанции. Писала десять лет. И в восемьдесят седьмом году дело пересмотрели. Женя был реабилитирован. Посмертно. — Она помолчала. — Мне выплатили компенсацию. Двадцать тысяч рублей. Это, конечно, мало за жизнь. Но я взяла. Потому что, если бы не взяла, было бы еще обиднее.

— А Прохоров? — Виктор спросил. — Когда он начал вам писать?

— Неделю назад, — Екатерина Петровна сказала. — Прислал письмо. Писал, что знает, кто настоящий виновник, и что он собирается «дожать» Лужина, чтобы тот заплатил и мне, и ему. Я ответила, что мне от него ничего не надо. Но он, видимо, всё равно попытался. — Она помолчала. — И Лужин его убил.

— Да, — Юлия кивнула. — Лужин его убил.

— Хорошо, — Екатерина Петровна сказала. И в её голосе, обычно ровном, мелькнула нотка, которую Виктор узнал, — нотка удовлетворения. — Хорошо, что вы его нашли. Женя, может быть, теперь будет спать спокойно.

Они попили чаю, поблагодарили Екатерину Петровну, и вышли. Было уже темно, и в Феодосии горели фонари, и где-то играла музыка, и пахло морем, и нагретым камнем, и чем-то ещё, чему нет названия. Юлия, когда они сели в «копейку», тихо сказала:

— Витя, мне её жалко.

— Мне тоже.

— Лужин — сволочь.

— Лужин — преступник. Сволочь — это другое.

— А Кондратьева? — Юлия спросила. — Она тоже преступница?

— Кондратьева — жертва. Которая стала соучастницей. Это, Юль, самое страшное.

«Хорошо сказано, лейтенант, — тихо произнёс Аш-Шарим. — Я бы не сказал лучше. И я, маг пятого круга, знаю, что говорю».

— Спасибо, — мысленно ответил Виктор. — Я стараюсь.

Виктор завёл «копейку», и они поехали обратно в Судак. Дорога шла вдоль побережья, и в чёрном море, слева, отражались звёзды, и где-то далеко, на горизонте, мигал маяк. Юлия, которая устала, прилегла на его плечо и закрыла глаза.

— Витя, — сказала она тихо.

— Что?

— Ты обещал рассказать.

— Обещал.

— Когда?

— После всего. После дачи показаний. После прощального ужина. Перед отъездом.

— Хорошо, — Юля помолчала. — Я подожду. Я всегда буду ждать.

— Спасибо.

— Не за что, — она улыбнулась. — Это, Витя, моя работа. Ждать тебя. Когда ты делаешь глупости.

Виктор усмехнулся. Аш-Шарим в его голове усмехнулся тоже, что было для него редкостью. И они поехали дальше, в ночь, к Судаку, к санаторию, к утру, которое, как всегда, должно было наступить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.